

Аъзамджон Азимов

На заре становления

(Таджикская литература на страницах печать 30-их годов)

Душанбе – 2010

www.journalism.tnu.tj

ББК

АЗИМОВ АЪЗАМДЖОН

На заре становления

(Таджикская литература на страницах печать 30-их годов)

Ответственный редактор:

доктор исторический наук, профессор И.К. Усмонов

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор А.Саъдуллоев

доктор филологических наук, профессор А. Сайфуллоев

Литература и печать

О многовековой истории таджикской литературы написано много трактатов, тысячи томов книг, исследований и монографий, лишь перечисление которых заняло бы десятки, а то и сотни страниц. В частности, по теме нашей дискуссии опубликованы исследования Х.Мирзозода, А.Сайфуйллаева, А.Абдуманнонова [44], Л.Демидчик [69]. Сюда же следует отнести цикл работ С.Табарова [71] под рубрикой «Жизнь, литература, реализм».

Октябрьская революция внесла в жизнь нашего народа небывалые изменения. Для изображения жизни и настроений общества требовалось высокое мастерство, достаточно развитое чувство такта, и особая форма воссоздания окружающей деятельности. За решение этой задачи взялась агитационно-пропагандистская поэзия, в которой прослеживается некая своя особенность.

Как известно, журнал «Шуълаи инкилоб» был закрыт в декабре 1921 года и по август 1924 года (дата выхода в свет газеты «Овози тоҷик») на всей территории Таджикистана того отрезка времени фактически отсутствовала периодическая печать. Однако, несмотря на это, можно констатировать, что первые агитационные стихи С.Айни, А.Мунзима, А.Хамди, Т.Зехни, А.Роджи, Ш.Хилми были доведены до поклонников изящной словесности посредством печати [44,27].

У такого рода сочинений были свои задачи, которые, по мнению некоторых исследователей, следует резюмировать следующим образом: «основу развития и выбора направления литературы начала 20-х годов составляла поэтизация общества, поэтизация революции, которая олицетворяла личные истинные интересы угнетенной части человечества» [25,35].

Однако, как свидетельствуют источники, и это видно с первого номера «Шуълаи инкилоб», подобного рода «обращения» не являются главной

особенностью только начала 20-х годов. Не только на так называемых литературных страничках, состоящих из фрагментов стихов, литературных обозрений, новостей и статей, но и на других полосах журнала мы видим агитационно-пропагандистские стихотворения, принадлежащие коллективу авторов, отображающие настроения общества. Например, в обращении народов Средней Азии, вышедшем из-под пера Мунзима, сказано: «Мы не допустим, чтобы империалисты - сорвали знамя нашей свободы, поднятое в столице угнетенных. Наш призыв, детей Востока – угнетенного Востока к свободолобивым русским и западным товарищам таков, что Восток пришел к вам на помощь. Этот флаг – наш общий флаг. Честь этого флага – наша честь. За спасение и свободу под этим флагом мы не побоимся пролить нашу кровь ... Да здравствует социализм! Да здравствует угнетенный Восток! Да здравствует союз угнетенных Востока и Запада» [86].

Страницы литературы и искусства под разными названиями появлялись во всех средствах информации. В исследуемый период таджикская журналистика использовала для названных страниц и уголков следующие названия: «Аз адабиёти кадимаи мо» («Из нашей древней литературы»), «Адабиёт» («Литература»), «Тозиёна» («Пощечина»), «Ашъор» («Поэзия»)- в газете «Шулъаи инкилоб»; вариации - «Адабиёт» («Литература»), «Танкид ва такриз» («Критика и отзыв»), «Тозиёна» («Пощечина»), «Кисмати хачви» («Уголок юмора»), «Хачв» («Юмор») - в газете «Овози тоҷик»; - «Адабиёт» («Литература»), «Сахифаи адабиёт» («Литературная страница»), «Адабиёт ва саноеи нафиса» («Литература и изящная словесность»), «Танкид ва такриз» («Критика и отзыв»), «Гушмол» («Оплеуха»), «Торсаки» («Пощечина»)- в газете «Тоҷикистони сурх»; «Адабиёт» («Литература»), «Адибон дар мехмони мо» («Писатели у нас в гостях»), «Сахифаи адаби» («Литературная страничка»), «Гушаи хачви» («Уголок юмора»), «Латифаҳои Афанди» («Анекдоты Афанди»)- в газете «Васияти Ленин»; «Кисми адаби» («Уголок литературы»), «Сахифаи адаби»

(«Литературная страничка»), «Адабиёт» («Литература»), «Театр»- в журнале «Бо рохи ленини»; «Хизмати мадани» («Служба культуры»), «Танкид ва библиография» («Критика и библиография»), «Театр ва тамошо» («Театр и зрелища»), «Китоби нав» («Новая книга»), «Факту ракамхо» («Факты и цифры»), «Фан ва техника» («Наука и техника»), «Суд ва зиндагони» («Польза и жизнь»), «Эчод ва кудрати бачагони шуроӣ» («Творчество и талант советских детей») - в газете «Барои маорифи коммунисти»; «Танкиди адаби» («Литературная критика»), «Китобҳои БАС» («Книги БАС»), «Сахифаи адабиёт ва саноеи нафиса» («Страничка литературы и изящной словесности»), «Илхом» («Вдохновение»), «Парвоз» («Полет»), «Хачви» («Юмористический»), «Сахифаи рузи тирамохи» («Страничка осеннего дня»), «Гушаи адаби» («Литературный уголок») - в газете «Чавонони Тоҷикистон».

Страницы, посвященные литературе и искусству отличались отточенностью языка и жанров, с присущими им литературными свойствами.

Надо признать, что, начиная с «Шуълаи инкилоб» и до 50-х годов прошлого века содержание литературных страничек не соответствовало истинному смыслу названия. На полосах большинства этих страничек (особенно в конце 20-х и в 30-е годы - А.А.), кроме поэтических произведений, обращений или писем писателей, публиковались новости о культурном строительстве в городах и селах, работе общественных и женских клубов, привлечении населения к участию в культурных мероприятиях. Более того, большинство литературных материалов были поэтическими и подтверждали «не только изменение темы, содержания и идейной направленности», но и поэтической формы, отвечающей требованиям времени, традиционной поэтики, средств изображения и образов. В формах и содержании поэзии ощущалась романтика тех лет и, без сомнения, в них ярко проявлялись признаки нового метода изображения - метода социалистического реализма.

Одно из первых революционных стихотворений написал Садриддин Айни под названием «Суруди озоди» («Песня свободы») или «Марши хуррият» («Марш свободы») [86]. Исследователи истории литературы считают его подражанием песне французских революционеров «Марсельезе» (песня была издана в 1919 году, хотя написана в 1918 году) [44,30]. По мнению И.С. Брагинского, эта версия ошибочна. Первоисточником «Марша свободы» является не революционный текст «Марсельезы», а «Рабочая марсельеза» Демьяна Бедного [16,54].

Действительно, активный революционный гуманизм превратил этот стих в песню угнетенных и, как отмечает историк М.Р. Шукуров, «Марши хуррият» стал любимейшим стихом тех, кто стремился к преобразованиям, он стал оптимистичным призывом» [85,266].

Эй ситамдидагон! Эй асирон!
Вакти озодии мо расид,
Муждагони дихед, эй рафикон!
Дар чaxon субхи шоди дамид... [6,85].

+ + +

Эй, вы, угнетенные! Эй, невольники!
Настало время нашей свободы,
Радуйтесь, друзья!
В мире наступило утро радости!

Примечательно, что в том же 1918 году появилось другое стихотворение Садриддина Айни «Марсия» (Элегия), в котором автор предстает могущественным, жестким и справедливым мстителем.

Эти стихи по накалу страстей, выражению бесконечного горя (по причине убийства палачами эмира брата С.Айни Сироджиддина – А.А.) и

огромной ненависти к палачам является лучшим образцом гражданской лирики, наполненной духом протеста и революции [81,77].

Садриддин Айни написал множество стихов, посвященных революции. Среди них стихотворение «Инкилоб» («Революция») посвященное журналу «Шуълаи инкилоб» («Пламя революции») и изданное в его 20 номере (23 февраля 1919 года), представляет наибольший интерес. Это стихотворение полностью посвящено революции, и автор отмечает не только подъем революционных настроений среди народов Советского Востока, но и пробуждение всего Востока:

Инкилоб офтобро монад,
Ё ки туфони абрро монад.
Окибат Шарк мешавад бедор
Гарчи ин фикр хобро монад!..

[7,12].

Революция похожа на солнце,
Она схожа и с бурей облаков.
В конце концов, проснется Восток,
Хотя и кажется эта мысль сном.

Стихотворения «Инкилоб» и «Инкилоби сурх» («Красная революция»), написанные С.Айни в 1921-1922 годах, свидетельствуют о бесконечном восхищении идеалами «Красной революции» - символа свободы. Вообще в те годы, т.е. в 20-30-е годы, издавалось множество материалов направленных против пантюркистских идей, вредных религиозно-мистических догм и т.д. много печаталось и о ходе культурной революции. Статьи Мухаммада Мусави «Боз як кадами калон дар рохи баланд кардани маорифу маданияти мехнаткашон» («Еще один большой шаг на пути повышения образования и культуры трудящихся») [24,3], Уйгура «Инкилоби Октябрь ва маориф» («Октябрьская революция и образование») 63,6], Манофзодаи Собит «Ленин ва маориф» («Ленин и образование») [63,7], М. Расули «Дар рохи инкилоби

мадани» («На пути культурной революции») [63,1] и многие другие призывали к активной работе по просвещению народа.

В целом литература 20-30-х годов была наполнена революционным идеям, и она прославляла советский строй. Тематика произведений таджикских писателей включала такие актуальные стороны жизни народа, как снятие паранджи, коллективизация сельского хозяйства, борьба с неграмотностью, методы ведения занятий в современной школе, просвещение, призыв к учебе женщин и девушек, превосходство нового строя и т.д. Стихи и пропагандистско-агитационные стихи Ш. Хилми «Адабиет» («Литература»), Мунзима «Хитоб ба фукарои Бухоро» («Обращение к гражданам Бухары») и «То ба кай?» («До каких пор?»), А. Хамди «Баени хол» («Описание положения»), А. Фитрата «Як дар» («Одна дверь») в журнале «Шуълаи инкилоб» и газете «Кутулиш» из их числа.

В 1922 году в СССР прибыл революционный поэт Абулкасым Лахути. Первые его стихи были хорошо приняты нашими литераторами. Айни, Хамди, Фитрат, Мунзим, Зехни и Авхади назвали его «Адиби сурх» («Красным литератором») и даже написали несколько назира (поэтическое подражание-А.А.) образцам его творчества. В сборнике его стихов «Адабиети сурх» («Красная литература») нашли отражение борьба интеллигенции Востока за новый мир. Позже Лахути посвятил свое творчество иранской революции, а так же самобытной истории народа Ирана.

Произведения, которые появлялись на страницах периодической печати, посвящались революции, разрушившей основы феодального строя. Например, Пинадуз в своей одноименной с книгой Лахути «Красная литература» стихотворении воспекает Октябрьскую революцию как освободителя угнетенных:

...Дар давраи инкилоб расида шуд,

Дасти чафо зи чони факирон бурида шуд!

[54].

В период революции достигнуто это,
Отсечена рука тирании от бедняков!

Но были поэты, и в их числе Лахути, Пайрав, Рахими, Азизи, Зехни, которые в своих песнях писали о своих гражданских ощущениях как личности, пользующиеся достижениями революции (бенефициарные пользователи революции). Например, М. Рахими в стихах «Эй инкилоб» пишет:

Шуди махбуби дил, эй инкилоб, эй ер, сад ахсан!
Ба такрор, эй дилу эй дида, эй дилдор, сад ахсан!
Ту эй оташи ошуби сурх, эй хокими хасти,
Ба хоки оташин орошти гулзор, сад ахсан!

[15].

Стала возлюбленной сердца, о революция, о подруга,
сто раз хвала тебе!
Буду повторять, о сердце, очи, о любимая,
сто раз хвала тебе!
О ты огонь красной смуты, о властительница жизни, бытия,
Украсила пламенной почвой цветник, сто раз хвала тебе!

Одной из особенностей поэзии 20-30-х годов является сопоставление вчерашнего и сегодняшнего дня, восхваление достижений новой эпохи. Например, С. Айни в «Таронаи камбагалон» («Песня бедняков»), Лахути в

«Дар кишлоки мо» («В нашем кишлаке»), М.Сарвар в «Зиндагонии мардикорони Тоҷикистон дар замони амири» («Жизнь таджикских поденщиков в эфирские времена»), описывают полностью изменившуюся жизнь угнетенных.

В некоторых сочинениях 20-30-х гг. очень эмоционально описана классовая борьба. Например, М.Сарвар воспевая дружбу двух угнетенных классов - рабочих и крестьян – обвиняет их врагов [54]. Другой поэт - А. Мунзим называет изменой и предательством интересов родины и патриотов покушение на жизнь комсомольских корреспондентов [50].

Другой наиболее привлекательной темой поэзии тех лет было воспевание любви к Родине. К этой теме более других обращались Пайрав Сулаймони («Ду хучум» («Две атаки»), «Хиндустон» («Индия»)) и М. Рахими («Нидои Хинд» («Голос Индии»), «Як фочиаи милли» («Одна национальная трагедия»)). Одновременно с этим разоблачались те, кто угнетал народ, их пороки и деяния. Например, Пайрав Сулаймони написал в честь событий в Афганистане стихотворение «Аз дасти ту буд» («Все было по твоей вине»):

Эй ситамгар, ин хама бедод аз дасти ту буд,

Оламеро хотири ношод аз дасти ту буд!

Бо дусад найранг афғонро ба дом андохти,

Ин кадам, ин дом, эй сайед, аз дасти ту буд!

+ + +

[56,65].

О злодей, всё эти беды от рук твоих,

Весь мир во мраке мук от рук твоих.

Две сотни пут твоих ввели Афган в капкан,

Этот шаг и тот капкан, о боже, от рук твоих.

М. Абдугани (А. Мирзоев - А.А.), рассуждая о стихах Пайрава, назвал его «Индию» «ценнейшим произведением таджикоязычных писателей» [1].

В свою очередь, Ш. Хусейнзаде считал заботу о молодых талантливых кадрах основой воспитания будущих талантливых деятелей науки и культуры таджиков. Он выразил удовлетворение, что «такие писатели, как П. Сулаймони, Ноил, Сухайли, Муъминзаде, Дж. Икромии и Б. Азизи, которые начинают занимать все больше места в периодической печати своими стихами и рассказами, вошли в литературу практически в момент расцвета таджикской пролетарской литературы» [80,16].

Литературовед А. Набиев провел ряд исследований на эту тему, в которых дается реальная оценка положения журналистики и литературы того времени [52,123].

Как было отмечено ранее, на литературных страницах периодики 20-30-х гг («Овози тоҷик», «Кутулиш», «Овози Шарк», «Бедории тоҷик», «Тоҷикистони сурх», «Дониш ва омузгор», «Роҳбари дониш», «Мушфики», «БАС», «Чавонони Тоҷикистон», «Кизил Тоҷикистон» и др.) тема национального самосознания была одной из главенствующих, хотя в некоторых статьях 90-ых годов прошлого века и начала XXI представляется так, будто это тема - частная идея какого-либо литературоведа или поэта. Это не совсем так, о чем свидетельствует работа покойного Х. Мирзозаде, опубликованная в 2-х томах в 1968 году. Можно привести ряд примеров не считая поэтических произведений, в которых освещаются многие грани этой проблемы. Статьи Т.Зехни «Дар бораи забони адабии тоҷик» («О литературном таджикском языке») [54], Б. Икромии «Дар гирди масъалаи забони матбуоти тоҷики» («Вокруг задачи языка таджикской печати») [54], Б. Азизи «Ба забони дари дури сухан сурудан мехоҳам» («Хочу слогать на языке дари жемчужным слогом») [63.22-24], Р. Хошима «Дар гирди забони адабии тоҷики чи менависанд?» («Что пишут вокруг литературного

таджикского языка») [63,39-42] безусловно, относятся к такого рода публикациям..

В отношении чистоты таджикского языка, что является важнейшей частью вопроса о национальном самосознании, бытовало и обсуждалось два взгляда – пантюркистский и паниранистский. Хотя, в основном, оба этих понятия имели один смысл. Пантюркисты отрицали существование таджикского языка (в то же время и таджикской национальности). О втором направлении Х. Мирзозаде пишет: «Часть иранопоклонников прикрывались пропагандой революционных идей персоязычным народом под завесой «Инкилоби сурх», преподносят современный литературный персидский язык в качестве литературного международного языка и прозваны за это «международниками», хотя из-за арабизмов он малопонятен не только таджикам, но и трудящимся самого Ирана. Этот путь так же был путем отрицания литературного таджикского государственного языка и распространения вместо него современного литературного персидского языка» [42,68].

Во многих статьях и исследованиях освещались разные стороны культурной революции - новый образ жизни, печать, проблемы литературоведения, чистота языка, национальное самосознание. Статьи О. Исмати, С. Айни, Фитрата, Лахути, С. Джавхаризаде, С. Ализаде, А. Дехоти, Н. Шерзаде, Б. Умари, Х. Бакозаде, К. Дайлами, А. Саттори, К. Бахлулзаде, Н. Мухаммада, Мухаммаджон Хасани Худжанди, Ш. Хусейнзаде, М. Аминзаде и других в эти годы достаточное подтверждение тому. Статьи Б. Азизи «Шоири бузурги нахустини тоҷикон» («Первый великий таджикский поэт») [54] и «Тарчумаи холи яке аз адибони тоҷик» («Биография одного из таджикских литераторов») [54], Мирзо Мухсина Иброҳими «Аз таърихи адабиёти форс» («Из истории персидской литературы») [63,15-19] так же полемизируют на эти темы.

Следует отметить немаловажную особенность печати конца 20-х и 30-х годов: опубликованные статьи не оставались без внимания и определенных последствий. Регулярно публицисты, журналисты и литературоведы подвергали литературные публикации (статьи, обзоры, заметки и зарисовки) обсуждению и оценке. Считалось, что «страницы периодической печати воспринимались как зеркало литературной жизни». Например, журнал «Рохбари дониш» напечатал статью Собита Манофзаде «Парчами адабии мо» («Наше литературное знамя»), в которой рассматривается не только состояние литературной критики, но также тщательно анализируется мастерство журналистов и литераторов. Но, как отмечено в диссертационной работе Х.Мирзоаде, критика утверждалась в те годы очень нелегко. Как правило, она воспринималась как оскорбление, и ответы на нее были довольно грубы и жестки. Анонимная статья «Чавоб ба мусохиба» («Ответ на интервью») [63,27] является одним из таких примеров.

Однако на страницах периодической печати публиковалось немало активной позитивной критики, основная задача которой было помочь в их творческих поисках. Подтверждением могут служить полемические статьи Наби Фахри «Сабзай навхез» («Новые ростки») и «Адабиети мо» («Наша литература») [54], а так же статья А. Дехоти «Набояд кач фахмид» («Не поймите неправильно») [54]. Обе статьи написаны с большим уважением к оппонентам, их авторы прибегают к серьезным аргументам, и ни в коем случае их нельзя признать малоэффективными.

По мнению профессора Х. Мирзозода, критики говорят, в основном, не о высокой поэтике, мастерстве стихосложения, а о методе описывания событий действительности, что не совсем верно. Кроме того, авторы таких статей, в том числе Ш. Садрулин «Барои мафкураи солим» («Во имя здравого смысла») [54], Х. Бакозаде «Мубориза барои шукуфаи солим» («Борьба за здоровый цветок») [54], уделяя больше внимания политическим аспектам

проблемы, отклонились от оценок новаторства и художественных качеств исследуемых произведений.

Конечно, хотя не все доводы периодической печати и литературы того времени были верны и непоколебимы, нельзя с уверенностью утверждать, что критики, в том числе и из рядов литературных редакторов, рассматривали художественное наследие только лишь с позиций партийных догм. В Средней Азии еще не был развит капитализм и на место феодализма пришло и установилось социалистическое общество. Октябрьская революция «решала и завершала задачи буржуазно-демократической революции и просветительства (кроме основных задач-А.А.)» [44,164].

Таджикская литература, продолжая лучшие традиции классической литературы, развивалась в контексте социалистических реформ, стремилась полно освещать все новые стороны жизни. Наряду с описанием напряженных событий дня и пропагандой ленинских идей [71,48], периодической печати необходимо было пересмотреть и осмыслить актуальные проблемы формы агитационно-пропагандистских стихов.

В данном историческом отрезке времени наблюдаются напряженные поиски создания образа коммуниста - личности, которая олицетворяла собой идеал советского народа. Так, например, в стихах конца 20-х - начала 30-х годов Мухиддина Аминзода образ коммуниста отражает все изменения эпохи, связанные с ним:

Эй додраси чумла ситамдидаву бекас,
Ту рохбару мардуми олам аз пас.
Дар сояат имруз халоик паи дониш,
Дорой баче илм шуда кудаки наврас.

[54].

О тот, кто услышал мольбу угнетенных и обездоленных,
Ты - руководитель (вождь), и народы мира идут за тобой.

Под мощью твоей тени люди ищут путь знаний,
И даже младенец приобрел уйму знаний.

Более того, по мнению большинства поэтов, лишь став членом или истинным сторонником партии можно было правдиво описать прошлое и «чрезвычайно справедливое» настоящее. Даже А.Лахути, который в то время был признан зрелым и ведущим поэтом Таджикистана, стремился создать в «новом типе народного стиха, революционного поэта, коммуниста» (примечание Ш. Хусейнзода):

Ман кахрамони лашкари муздурам,
Ман пахлавони тудай дехконам!
[56,154].

Я - герой армии подёнщиков,
Я - богатырь толпы дехкан!

Другие таджикские поэты, такие как Пайрав, Мунзим и Рахими, по стилю и манере описания считали себя учениками партии и теми, кто воспекает жизнь [15]. Следует отметить, что это явление отмечалось вплоть до 90-ых годов XX века и, в принципе, оно было результатом однопартийной системы политической жизни общества.

Пайрав считал преданность идеалам смыслом своего внутреннего и внешнего мира и называл перо проповедником и хранителем тайн поэта:

Калам устои достони ман аст,
Калам озода тарчумони ман аст...
Ба аду гуй, хон, охупар хезад,
Калам дашнаву синони ман аст.

Манам аз пайравони хомаи сурх,
Каламам шохиди замони ман аст.

[55,161].

Перо - наставник моей поэмы,
Перо - блестящий мой переводчик...
Скажи врагу, знай, пусть вскачет как олень,
Перо - мой острый кинжал, мое копьё.
Я последователь красного пера,
Перо - свидетель моего времени.

В представлениях П. Сулаймони и «последователей красного пера» основной задачей поэтов является создание образа героя, который «делает все на пути освобождения рода человеческого» [43,79].

На литературных страницах газет «Овози точик», «Бедории точик», «Точикистони сурх», «Чавонони Точикистон» и журналов «Рохбари дониш», «БАС», «Маориф ва маданият», «Инкилоби мадани», «Бо рохи ленини» («Занони Точикистон») жизненно важной, злободневной темой была тема освобождения женщин и привлечение их в женские клубы, к активной жизни, обучению и воспитанию на благо нового общества. В то же время жесткой критике подвергаются женщины невежественные, с отсталыми взглядами и предрассудками использующие религию для того, чтобы отвлечь женщин от новой жизни (бибиотун), безразличные к проблемам женщин. Стихи Т. Зехни [53] и Н. Шерзаде [62,28] служат хорошим подтверждением вышесказанному.

До 1932 года в Таджикистане издавалось 9 журналов, 9 республиканских и 19 районных газет [47,25]. Многие из таджикских писателей работали в редакциях газет. Например, Дж. Икромии в журнале «Рохбари дониш» и «За социалистическую литературу» (БАС), Р. Джалил и Х. Карим в газете «Пролетари Хучанд», С. Улугзаде и М. Турсунзаде в

«Комсомоли Тоҷикистон» и «Тоҷикистони сурх», А. Дехоти в «Хакикати Узбекистон».

В подготовку и воспитание литературных и журналистских кадров большой вклад внес журнал «БАС» (с 1938г. «Шарки сурх» - «Садои Шарк»). Практически при каждом издании активно функционировал литературный кружок. Особенно заметным был литературный кружок газеты «Комсомоли Тоҷикистон» при педагогическом институте под руководством Бектоша и с активным участием М. Турсунзаде и М. Миршакара. Большинство изданий имели литературную страничку. Литературная деятельность так же интенсивно развивалась, о чем очень подробно сказано в книге Л.Н. Демидчик [68,10] поэтому, в данном случае нет смысла повторяться.

В этот важный исторический период большой вклад в развитие литературы внес Садриддин Айни. Он не только написал книги о Рудаки, Саади, Камоле Худжанди, Восифи, Навои, Хафизе и других классиках нашего народа, но и статьи «Оташи инкилоб» («Пламя революции») [85], «Инкилоб офтобро монад» («Революция солнцу подобна») [85], «Хукумати шуравии Тосикистон ва масъалаи Шарк» («Советское правительство Таджикистана и проблема Востока») [85], «Бархез Шарки мазлум, ки урдуи Шарк расид» («Встань поработенный Восток, пришла армия Востока») [85], «Аскари ва ислом» («Служба в армии и ислам») [85], «Галабаи инкилоб дар Шарк» («Победа революции на Востоке») [85], «Садои калам» («Голос пера») [85], «Акнун навбати калам аст» («Теперь пришла пора пера») [85], «Инкилоби Бухоро» («Бухарская революция») [85], «Мактуб аз Бухорои сурх» («Письмо из красной Бухары») [85], «Ба хам пайвандед ранчбарони инкилоб» («Соединяйтесь, труженики революции») [85], цикл под общим названием «Тоҷикони кухистон» («Горные таджики») [53], «Дар бораи мактаб ва маорифи тоҷик» («О таджикской школе и просвещении») [53], «Кобилияти ташкилоти дар тоҷикон» («Организаторские способности таджиков») [53], «Кори Тоҷикситон гул карданист» («Дело Таджикистана

расцветет») [53] и т.д., в которых рассмотрел практически все аспекты жизни таджиков. В них он, призывая угнетенный народ к борьбе за свои идеалы, к знаниям, борьбе с неграмотностью, самосознанию и самопознанию. Следует отметить, что большая часть этих статей была опубликована на литературных страничках под рубрикой «Литература», «Критика и отзывы» или совместно с заметками корреспондентов о культурных и литературных событиях страны.

Основы нового национального музыкального искусства в Таджикистане тоже окрепли и упрочились именно в 30-е годы XX века. С.Айни своими статьями привлек внимание представителей искусства и искусствоведов к богатейшему традиционному наследию предыдущих поколений. Особенно вызывают интерес работы устода о Ходжи Абдулазизе Самарканди и Шарифе Джураеве [12,9-11]; [83,11-16]. Выступления речи, статьи С. Айни и А. Лахути служили школой мастерства для молодых талантов, увлеченных литературой. Это подтверждали и во всех официальных кругах [82,122-126]. «Каждое двестишье, каждую строку ваших стихов на пути великих идеалов партийной борьбы за создание бесклассового социалистического общества, за создание высокого большевистского искусства нашей эпохи...мы, будем использовать как острейшее оружие», - писал А. Дехоти А. Лахути [23,23]. М. Турсунзаде так же назвал Абулкасыма Лахути «классовым устомом».

Основанный в 1933 году журнал «Советская литература народов Средней Азии» тоже внес большой вклад в дело развития таджикской литературы. На его страницах издавались произведения С. Айни, А. Лахути, П. Сулаймони, молодых литераторов Рашида и Гани Абдулло, западных писателей Ленгстона Хьюза, Бруно Ясенского, Артура Катлера, Эгона Эрвина Киша, имевшие большое значение в деле воспитания молодых писателей. После 1-го съезда писателей Таджикистана (10-18 мая 1934 года) литературное движение в Таджикистане и Узбекистане еще более усилилось.

Благодаря творческим связям с русскими писателями в таджикской литературе набирал силу жанр очерка. М. Турсунзаде и А. Дехоти, продолжая дело С.Айни, написали первые очерки; больше стали переводить прозаические и поэтические произведения братских народов, которые обрели свое место в таджикской литературе. Естественно, всенародное литературное движение было не без недостатков. Эти недостатки, прежде всего, «проявлялись» в поиске, выявлении «буржуазных идей» в творчестве молодых писателей (статьи Г. Азизаде, А. Бекзаде, Али Хуша, М. Турсунзаде, С. Улугзаде и др. [61,30]).

Страницы печати 30-х годов являются свидетелями зарождения и формирования многих художественно-публицистических жанров, и в первую очередь это касается очерка. Одним из первых таджикских очерков является очерк Садриддина Айни «Колхоз коммунизма» (1934), в завершении которого сам устод пишет: «Это не былина, не сказка, не очерк, не произведение, а факт, описанный с реальными названиями» [8,106].

Другой очерк С.Айни под названием «Тирози чaxon» («Украшение мира») сначала был издан в «Тоҷикистони сурх» (частично), затем в 1937 году в пятом номере журнале «БАС», а в 1937 году в виде отдельной брошюры. Очерк состоит из 2-х частей: первая посвящена древнему Худжанду, а вторая Ленинабаду того времени. Устод, восторгающийся и плененный большими изменениями облика древнего города, пишет: «Это двухэтажное здание было одним из научных учреждений, подобие которого можно было увидеть только в Москве. Это правильно, что в Ташкенте, Самарканде и других городах Средней Азии высшие учебные заведения и академии размещаются в очень больших зданиях, но в Средней Азии для школы-десятилетки не построено такого рода царский хором» [8,137].

В те годы Джалолом Икромии, Хакимом Каримом, Рахимом Джалилем, Сатимом Улугзаде и Фатехом Ниязи также были написаны очерки, которые отличались реалистичностью, характерной для прозы 30-х годов.

Большинство молодых писателей подражали С.Айни и учились в школе реализма М. Горького. В этой связи в очерках преобладали голые факты и ежедневная хроника. Очерки Дж. Икромии «Як кахрамони асармон» («Герой, достойный поэмы») (1934), «Зани ягонаи чумхурият» («Единственная женщина республики») (1935), Али Хуша «Шарафи кор» («Слава труда») (1934), «Шучои номдор» («Прославленная героиня») (1935), Хазрати «Богбони боги мисриён» («Садовник сада египтян») (1935) - яркие образцы такого рода произведений. Конечно, это было обусловлено социально - политическими запросами тех лет, когда надо было внести свой вклад в борьбу за высокий урожай хлопка, развитие ударного движения, строительство дорог и каналов.

Многие документальные произведения являются жизнеописанием отдельных личностей. Писатели, рассказывая о деяниях того или иного героя, призывали народ к трудовым подвигам, быть примером для подражания. Например, Х.Карим в эпизоде «Латиф Кутил» (1934), описывает одно из событий 1929 года в Гарме, Али Хуш в очерке «Чавони далер» («Молодой удалец») (1936) пишет об ударной трудовой деятельности Искандара Шохимардонова из колхоза «Хаёти нав», он же в очерке «Шучои намдор» («Прославленная героиня») рассказывает о жизни женщины - председателя колхоза «Гулистон» Гармской долины Азизмох, С. Улугзаде в очерке «Яке аз бехтарин ташкилотчиёни колхоз, устоди хосилоти баланд» («Один из лучших организаторов колхоза, мастер высоких урожаев») (1935) создал портрет знаменитого хлопкороба, одного из талантливых организаторов колхозного строя, знатного председателя колхоза «Коммунизм» Ходжентского района, Пулода Бобокалонова.

Документализм был присущ произведениям Али Хуша, Джалола Икромии, Хакима Карима, Сатима Улугзаде и Рахима Джалила [68,60].

В то же время существовал типический образ героя, - бывшего бедняка, а ныне - хозяина своей судьбы: «Сынок, – с любовью отвечает он товарищу –

меня не сломили угнетения и боль старой эпохи. Это наше советское время, она наполнила меня, того, кто прожил 70 лет и чья голова покрыта сединой, новой силой, я снова стал молод. Мы трудимся для своего счастья и благополучия, для будущих поколений» [78,81].

Следует заметить, что очерки, зарисовки и даже рассказы этого времени, например, «Тухфа» («Подарок», 1932) и «Одам дар халта» («Человек в мешке», 1935) Хакима Карима, «Саодат» (1931), «Сирри шаби туй» («Секрет брачной ночи», 1936) и «Орзу» («Мечта», 1936) Рахима Джалила, отличаются острой коллизией и житейскими конфликтами, борьбой старого и нового. «Моя жизнь – борьба», - пишет Х. Карим, имея в виду борьбу старого и нового.

Таким образом, изучив литературные страницы периодической печати 20-30-х гг., мы пришли к следующим выводам:

1. Новая советская литература берет свои истоки с периодической печати. Большинство писателей первого и второго поколений таджикской советской литературы вынесли первые свои творения на суд читателей на страницах журналов и газет. Таким образом периодическая печать внесла весомый вклад в зарождение новой таджикской литературы, новых жанров и стилей.

2. Не все материалы литературных страниц были посвящены исключительно литературе. Заметки и зарисовки о курсах ликвидации неграмотности, об освобождении женщин, строительстве бытовых зданий и многом другом так же размещались на этих страницах. По сути, литературные страницы освещали все стороны культурной жизни общества, что было велением времени.

3. Основная масса произведений имели документальную основу, в них воссоздавались страницы трудовой деятельности, имена героев колхозных полей и производства, освещались реальные события, происходившие в республике.

Праздники литератур

Одной из основных заслуг печати в 30-е годы являлась пропаганда литературы и ее представителей великих традиций древней культуры таджикского народа, продвижение талантливой молодежи. Немаловажную роль здесь играли организация и проведение торжеств.

На современный взгляд литературные торжества (юбилеи) – это обычное событие. Даже проведение помпезных мероприятий принимается прохладно со стороны общества. Возможно, по этой причине в последнее время празднование 10, 20, 30, 40, 50-летия творческой деятельности того или иного писателя выходит из «обязательной программы».

Но в конце 20-х и начале 30-х годов проведение творческих вечеров и литературных юбилеев превратились в события, имеющие большое историческое значение. В этой связи эта часть нашей работы посвящена детальному рассмотрению двух исторических юбилеев величайших деятелей новейшей истории таджикской литературы, мудрых наставников молодежи Садриддина Айни и Абулкасима Лахути.

Несмотря на то, что нами детально будет исследован данный аспект вопроса, считаем необходимым сказать несколько слов о закономерности празднования юбилеев вышеназванных литераторов, двух выдающихся личностей, дружба которых сыграла неоценимую роль в деле становления самосознания таджикского народа, укрепления его государственности в достаточно сложное и полное противоречий время, когда враги открыто препятствовали законным интересам нашего самобытного народа с многовековой историей культуры.

Непосредственное знакомство С. Айни с А. Лахути состоялось по приезду последнего в Таджикистан, хотя заочно они знали друг друга давно. «Это знаменательное, судьбоносное событие произошло в 1925 году» [54,23].

В середине 1925 года Лахути по собственной просьбе был направлен из Москвы в Таджикскую Автономную Советскую Республику. С первых мгновений приезда в Душанбе в сердце Лахути обострилось желание встретиться с Садриддином Айни, и он нанес ему визит в Самарканде. После этой встречи в предисловии книги «Образцы таджикской литературы» Лахути написал: «Я давно был знаком с этим именем. Облик этой личности напоминает мне о том, что в начале молодости он провел в обстановке угнетения и насилия, отважно борясь за освобождение народа от самодержавия, потерял своего образованного брата. И еще одно обстоятельство: знакомство с его литературными трудами... быстрее и сильнее способствовало увеличению нашего желания встретиться с

почтенным устомом. В августе 1925 года я удостоился свидания с ученым, уважаемым устомом. Устод буквально тонул в сотнях книг окружавших его, а в руке у него была другая, которую он писал. Это была книга «Образцы таджикской литературы» [9,7].

В 1926 году в Таджикистане увидел свет первый стихотворный сборник А. Лахути под названием «Адабиёти сурх» («Красная литература»). С. Айни написал развернутую рецензию на эту книгу. Он полюбил поэзию А. Лахути. Даже написал подражание поэме «Инкилоби сурх» («Красная революция»), а на газель «Дили Лохути» («Сердце Лахути») написал назира, назвав в нем Абулкасима Лахути «всемирно известным поэтом, мэтром литературы и плодотворнейшим деятелем искусства». О поэтическом мастерстве Лахути в своем письме Абдусалому Дехоти 8 марта 1931 года С.Айни писал: «При создании стихов поэт должен продумать и прочувствовать стих от начала и до конца, взвешивая каждое слово, бейт и строку, работая над этим, а в настоящий момент просмотреть все слова, по отдельности решая смысловой и мелодичный аспект раз за разом. В этом случае стихи получаются хорошими, поэт развивается духовно, и в завершении, усвоив уроки стихосложения, получит опыт и, подобно Лахути, без каких-либо трудных фокусов и волшебства заниматься творчеством» [83,100].

Творчество устодов Айни и Лахути было школой не только для молодых писателей, но и явилось фундаментом для вновь зарождаемой советской литературы. В связи с этим празднование 30-летия творческой деятельности А.Лахути имело большое социально-политическое, культурное и воспитательное значение.

Имея в виду данный тезис, 19 июня 1933 года Среднеазиатское Бюро ЦК ВКП(б) приняло специальное постановление о проведении 30-летия начала трудовой деятельности Абулкасима Лахути. В частности Бюро ЦК предлагало ЦК нацкомпартий и областным комитетам партии организовать в

республиканских и районных центрах, на крупных предприятиях творческие вечера, посвященные 30-летию творческой деятельности поэта, особо отметив его вклад в дело развития культуры и литературы. Редакциям краевых и республиканских газет предлагалось 24 июня организовать специальные страницы-полосы, отражающие революционный и творческий путь Лахути, а Соцгизу и нацгизам организовать выпуск брошюр на национальных языках по творчеству поэта. Для руководства и организации юбилея при Среднеазиатском бюро ЦК ВКП(б) была создана комиссия в составе У. Ашурова (председатель), Галузо, Жудина, Меджиди, Трегуба, Делинского, Пестова, Пинхасика и Анкабая [26,579].

5 июня 1933 года в здании театра им. Свердлова города Ташкента при участии руководства Узбекистана и творческой интеллигенции состоялось торжественное собрание, посвященное 30-летию литературной и революционной деятельности устода Лахути. С вступительным словом выступил Файзулло Ходжаев, который отметил вклад революционного поэта и зачитал поздравительное послание руководства ЦК ВКП(б) Узбекистана. О творческом пути А. Лахути с докладом выступил начальник отдела пропаганды и агитации Среднеазиатского Бюро ЦК ВКП (б) А. Ашуров. Юбилея от своего имени и от имени коллектива редакции журнала «Советская литература народов Средней Азии» поздравил председатель организационного Среднеазиатского Бюро Союза писателей СССР Маджиди, который также прочитал наизусть отрывок из его касыды «Кремль» [45,14-25].

Такие же собрания были проведены в Ереване и Самарканде. Лично на имя Лахути и ответственным лицам торжественных мероприятий поступило множество поздравительных писем и телеграмм, которые свидетельствовали о всенародной любви к поэту. Так, например, один из крупных русских писателей и общественных деятелей того времени А.Серафимович писал: «Поздравив уважаемого Лахути с тридцатилетним юбилеем революционной,

поэтической и литературной деятельности, желаю ему всегда оставаться здоровым, крепким и пламенным борцом» [45,24].

Известный арабский писатель С.Джамол в своем историческом послании эмоционально осветил основные стороны творчества Лахути. Из письма следует, что Сохиб Джамол стал писателем благодаря творчеству Лахути. В своем поздравительном письме он пишет: «Отцу - преподавателю – другу и дорогому юбиляру! Жизнь свела нас с тобой 11 лет назад, тогда, когда ты, одолев тяжести пути степей Табриза, после полного освобождения от неудач, вошел в Баку и сказал мне: «Сын мой, дай мне холодной воды!».

В этот момент я увидел твои сверкающие глаза, которые говорили мне в тишине: «Мы рассеяны, но не побеждены!».

Да, это было действительно так. Этот листопад не убил тебя.

Ты вновь стал тем великим революционным, красным бунтарем, героем нашего времени, как одиннадцать лет назад.

Под впечатлением твоих мужественных стихов, мой юбиляр, постоянно воспитываясь, и сейчас под звуки твоих революционных маршей готов на штурм мирового капитализма...

Сегодня, в день твоего юбилея, поздравляю тебя как писатель, хотя это великое имя (писатель – А.А.) для моей персоны недостижимо, а лучше как сын, учитель и товарищ за искреннее пролетарское чувство силы, прозвучавшее в твоих строках.

Ту чун падар дар ман лъавони тавлид медињи,
Ту чун муаллим барои ман иродаи кави хасти,
Ту чун рафик барои ман энтузиазми доими хасти.»

[64,24-25].

Ты как отец рождаешь во мне молодость,
Ты как учитель для меня – выражение твердой воли,
Ты как олицетворяешь друг для меня вечный энтузиазм.

30-летие творческой деятельности А. Лахути превратилось в важное культурное событие для всех народов и национальностей Советского Союза и всех, кто боролся за свою свободу и независимость.

В дни юбилея на имя А. Лахути от советского народа поступали десятки, сотни писем и телеграмм, где выражались искреннее признание и многочисленные пожелания. Свои поздравления отправили организационные комитеты союзов писателей Белоруссии, Узбекистана, Туркменистана и Казахстана. От имени ЦК КП(б) Таджикистана поэта поздравил секретарь Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б) Шадунц.

Академик С.Ф. Ольденбург от всего сердца поздравил поэта и в его лице все персоязычные народы. Оргкомитеты СССР, ЦК ЛКСМ Таджикистана и Узбекистана, жители Тавильдаринского и Чиргатальского районов, Хаита, Гарма, Калъаихумба, участвовавшие в это время в республиканском совещании хлопкоробы и зерноводы поздравили любимого поэта с юбилейной датой [66].

В поздравлениях Президиума ЦК МОПР Таджикистана, творческой группы «Таджикфильма» (снимавшей фильм «Эмигрант»), участников педагогической конференции Кургантюбинского района, руководства педагогических курсов и учащихся педагогического техникума им. А. Лахути г. Курган-Тюбе также выражались искренние чувства признательности и уважения, восторженное восхищение судьбой и творчеством поэта.

Для доказательства того, что А. Лахути безусловно является великим представителем новейшей литературы свободного Востока, достаточно привести часть поздравлений знаменитого польского писателя, писавшего о судьбе таджикского народа, Бруно Ясенского: «В день твоего юбилея я в твоём лице поздравляю не только революционного писателя Востока, но, прежде всего, одного из редких поэтов-дарований мира, которым выпадает великая честь быть и воспевать каждой строкой своего стиха, на великом

поле революционной пашни, подобно тому, как кетмень разрыхляет почву, сердца и души миллионов, и сохранится там» [64,25].

Внимательный читатель поймет, что в этих и других посланиях и письмах отчетливо вырисовываются грамматические и стилистические недостатки, но для сохранения «колорита» цитируемого текста они не редактировались.

А. Лахути является певцом состояния эпохи, душой времени и певцом пробуждающихся народов Востока. Эти его заслуги десятки раз с уважением и любовью изучаются в монографиях и книгах о поэте.

Еще в 1931 году ведущая газета Советского правительства и коммунистической партии «Правда» писала: «Имя Лахути для широкого круга трудящихся Таджикистана, Ирана и Афганистана служит знаменем борьбы в пролетарской революции Востока» [56].

Журнал «БАС» в 1933 году один из номеров полностью посвятил творчеству и революционной деятельности Лахути. Известные литературоведы Х. Мирзозода и В. Самад систематизировали материалы данного номера следующим образом:

1. Статьи, посвященные анализу творчества Лахути;
2. Труды поэта, оставшиеся за пределами собрания сочинений в шести томах;
3. Стихи и воспоминания о Лахути;
4. Поздравления. [45,25].

Ознакомление с вышеназванным комплексным исследованием, охватывающим практически все стороны творчества поэта, позволяет констатировать, что материалы упомянутого номера прекратили нападки тех, кто считал его «недоброжелательным ставленником отъявленных пантюркистов и высокопоставленных шовинистов», подтвердив ответственность поэта-патриота, смогли донести смысл его волшебных и сердечных стихов до ценителей поэзии. И, что самое главное, доказали

отеческую заботу, поддержку и вклад Айни и Лахути в дело воспитания молодых талантов таджикской литературы. Более подробно об этом, т.е. вкладе устода Лахути в дело воспитания и поддержки молодых кадров, мы высказались в статье «Лахути и журнал «БАС» [5,68-73].

О сердечных взаимоотношениях этих двух титанов литературы наглядно свидетельствуют и совместная подготовка к юбилейным торжествам, и их переписка, которые внимательно исследованы специалистами. Кроме того, в ходе всесторонней подготовки к юбилею Лахути устод Айни, хорошо понимая важность этого мероприятия, поздравил «всемирно известного большевистского поэта-революционера» не только за участие в событиях, изменивших Советский Таджикистан, но и за воспитание нового поколения литераторов, в частности создание новой литературы: «Вас мало назвать всемирно известным поэтом-революционером. Вы являетесь тем мастером литературы, плодотворнейшим, опытным устодом, который своими огненными, революционными стихами зажгли факел литературы в душах трудящейся молодежи и пробудили в них поэтические чувства. Вы практически непосредственно обучали и воспитывали подрастающую таджикскую молодежь – детей рабочих и крестьян Таджикистана. Я старый таджикский писатель, в одном ряду с воспитанной Вами молодежью, считаю себя обязанным Вам. В этой связи хочу с уважением пожать Вашу руку. Надеюсь, что еще долгие годы Ваше замечательное литературное творчество будет течь рекой и сотни литературных ростков превратятся в могущественные пролетарские кадры» [46,15].

А. Лахути либо сам непосредственно участвовал во всех культурных мероприятиях Таджикистана либо обращался к ее участникам с письмом, с поздравлением или стихами, добавляя сердечности в их проведении.

23 апреля 1934 года в Доме инженерно-технических работников Сталинабада прошел творческий вечер молодого поэта Пайрава Сулаймони.

В творческом вечере приняла участие бригада писателей из Москвы. Виктор Шкловский выступил с докладом «Речь о молодом поэте», писатели Павел Васильев, Бруно Ясенский и Гани Абдулло придали вечеру атмосферу поэтичности. Они говорили, что воспеванию времени и жизни надо учиться у Лахути. Сам же Лахути, оценивая пути своего творческого поиска, отметил, что лучшая школа литературного мастерства и опыта – это произведения классиков персидско-таджикской литературы и гениев мировой литературы. Для подтверждения своей позиции он привел десятки примеров из творчества персидско-таджикских классиков, объясняющие методы и стили красноречия, суть изящного слога.

В целом в 30-е годы было проведено множество мероприятий, вдохновлявших талантливую молодежь и обязывающую их создавать произведения, отвечающие велению времени. Одним из таких мероприятий явилось празднование 1000-летия со дня рождения Фирдоуси, отмечавшегося в 1934 году. В связи с этим важным событием журнал «БАС» представил читателям цикл материалов, в которых отмечалась важность изучения эпического произведения Фирдоуси и его художественной школы. Целый ряд статей и заметок о жизни и деятельности великого поэта появились также в газетах «Тоҷикистони сурх», «Кизил Тоҷикистон», «Коммунист Таджикистана» и «Чавонони Тоҷикистон».

По выражению М. Горького, литература – это художественное человекопознание. Другими словами, поэт тогда становится желанным и почитаемым для своего народа, когда в его произведениях определены концепция человека, пути соприкосновения человека с основными проблемами.

Литература советской эпохи была богата духом гуманизма, постижением мира, но это не говорит о том, что она была безлика и однообразна. Она была возвышенной и многогранной, олицетворяла и воспевала не только гуманизм, но любовь, сострадание, сочувствие,

единение сердец, борьбу за истинные идеалы человечества, презрение к врагу.

Углубившись в произведения С.Айни, можно сразу ощутить всю атмосферу времени, наглядно увидеть все стороны литературы 30-х годов. С.Айни в полной мере владел синтетическими методами социалистического реализма. Великолепным примером данного утверждения является роман «Гуломон» («Рабы»). Борьба героев романа, в частности Эргаша и Мухаббат, весьма и весьма бескомпромиссна. В них олицетворяются характеристики, как эпических героев, так и обычных влюбленных, они самостоятельны, горды, величавы, самодостаточны и отважны. В то же время герои Айни всем сердцем желают построения нового социального строя. По мнению И.С. Брагинского, «все творчество Айни, в частности его прозаические произведения «Смерть ростовщика» и «Воспоминания», подтверждают, что он, изучив литературное наследие Востока с интернациональной точки зрения, использовав литературный опыт (в частности опыт русской литературы) смог» написать реалистичные произведения мирового значения, полюбившиеся народу и времени [17,9].

В канун празднования 30-летия литературной деятельности С.Айни был издан роман «Рабы», написанный на таджикском и узбекском языках. Основным героем романа является народ, который угнетался столетиями и в конце концов дождался светлых дней. Сам Айни в одной из своих статей пишет: «Эта книга о прошлой жизни, хотя направляет в будущее, так как история данного времени подразумевает, что оно может служить оружием борьбы за светлое будущее» [10,7].

Творческая деятельность С.Айни ориентирована на улучшение жизни всего человечества, хотя его герои родились и выросли в традиционной восточной среде. Эту особенность неоднократно отмечали многие гости юбиляра. В том числе чешский журналист и писатель Юлиус Фучик сказал: «Айни – это не только ваш, но также и наш писатель. Его книги являются не

только высшим искусством, но и реальным инструментом обучения. Эти книги показывают не только угнетения и боль прошлого, но и победы советского народа. Сами они являются выдающимися образцами этих достижений» [15].

Речь идет о том, что большинство писателей мира воспринимали страны Востока, в частности Среднюю Азию, как сказочные, волшебные страны.

Творчество Садриддина Айни и Абулкасыма Лахути, отображавшие борьбу за изменение «народной доли», отбросили эти предрассудки. В данном случае, думаем, уместно будет вспомнить высказывание украинского исследователя. Еще в 1931 году издательство «Рух», в конце перевода повести «Одина» написало: «Известно, что в странах Востока, среди остатков феодализма, внешнего и внутреннего капитализма с массами угнетенных дехкан и рабочих продолжается классовая борьба, имеющая международное значение. Но в тех восточных странах, где массы победили и правят, т.е. на Советском Востоке, идет строительство новой жизни на социалистической основе» [11,269].

Возможно, именно поэтому произведения С. Айни и А. Лахути, изданные художественной прозой о новейшей истории Востока, борьбе и патриотизме, его трудового народа в деле строительства социализма, пользовались большим успехом и весьма высоко оценивались не только в Советском Союзе, но и далеко за его пределами [68,269].

С другой стороны, большие и малые произведения Айни и Лахути, изданные в 30-е годы, которые, по мнению некоторых ученых, в частности М.Раджаби, сочинены под влиянием «единовременной (сиюминутной) действительности» по лозунгу «Литература – зеркало жизни», обрели определенную известность своей «целенаправленной публицистикой» среди различных слоев общества. Другая группа ученых, считает, что роман «Дохунда» и все, что написано в 30-е годы, – это «унисон с ежедневными

событиями», «созвучие событиям». Естественно, что все новое в какой-то мере все же отражает в себе элементы того прошлого, которое еще доступно, или же те ценности, которые все еще востребованы. Но эта мысль в целом неправильна. Даже серые будни, освещенные в одной среде, видоизменяются в другой, что не было принято даже советскими литературоведами. Г.И. Ломидзе, предостерегая исследователей от приближения примитива к проблеме взаимного влияния национальных литератур, от однобокого и поверхностного подхода к проблемам литературных (культурных) связей, проблемам обмена опытом одной литературы с другой, вопрошал, «какими знаками определяют взаимовлияние национальных литератур некоторые писатели? Берутся один или два больших писателя, более других - Горький и Маяковский, иногда Шолохов, Фадеев или Твардовский. Иногда берутся даже не целые произведения, а отрывки, также используются характер и отдельные идеи и сопоставляются с избранным произведением для исследования. Если в сравниваемом произведении находились близкие или хотя бы похожие моменты, то в тот же момент делался вывод, что в данной литературе ярко выражено воздействие другой литературы, использован опыт другой литературы» [36,142].

Это суждение существовало до 60-х годов XX века. Оно не утратило силу даже с развитием всей литературы в целом и ростом национального самосознания народов СССР. Даже в наши дни, изредка, появляется кнут критики по поводу изучения литературных школ, где страдает душа и тело изувеченного и оклеветанного С. Айни, хотя положение вещей, по утверждению М. Турсунзаде, от этого не изменится, ибо если на одну чашу весов положить все заслуги и деяния устода, а на другую его ошибки, то в итоге чаша весов устода по первым показателям с лихвой перевесит вторую [4,47].

Вернемся к началу событий тех дней, когда заслуги С. Айни были впервые оценены всенародно. Юбилей 30-летия трудовой деятельности С.

Айни был очень красочен. Интеллигенция, работники сельского хозяйства очень хорошо подготовились. Во всех школах и вузах он воспринимался как праздник влюбленных в литературу людей. На заключительное собрание прибыли делегаты из Узбекистана, Туркменистана, Белорусии и Башкирии. А.Лахути присутствовал в качестве любимого поэта, представителя древнего Ирана, певца свершений, признанный как в СССР, так и за рубежом как поэт-революционер мусульманского Востока. Он от всего сердца восхвалял С. Айни и обращался к нему исключительно «устоджон» («дорогой учитель»), «мураббии шоирон» («наставник поэтов») и «шери машрикзамин» («лев восточных земель»).

Поэта также поздравили от имени Союза писателей Таджикистана, ЦК ЛКСМ Таджикистана, Совета профсоюзов, горкома партии и Совета народных депутатов города Душанбе, коллектива Главного управления работников киноискусства и фотографии (кинематографии и фотоиндустрии), представители культуры и образования. По поводу ощущений чешского поэта Юлиуса Фучика упоминалось выше. Бруно Ясенский, занимавшийся в то время изучением прошлого и настоящего Таджикистана, с присущим ему темпераментом поздравил устода словами: «Нежный друг Садриддин Айни! Тридцатилетие Вашей литературной деятельности является истинным праздником таджикского народа. Именно Вашими стараниями национальная литература обогатилась новым социалистическим содержанием. Также являясь певцом угнетенного многострадального таджикского народа, вырванного из феодализма, Вы, борясь против прогнившего строя, беззакония и насилия, сами стали творцом нового уклада жизни – социалистического строительства. В этом строительстве вчерашние Одины и Ёдгоры добились благосостояния и приобрели удовлетворение, счастье и радость как полноправные личности.

Прошу Вас принять мои сердечные поздравления, живите долго и служите на пользу нашей общей социалистической Родины» [66].

Пройдут годы, на литературном небосклоне таджикской национальной культуры заблистают новые звезды, но их яркий блеск в сравнении с сиянием звезды устода Садриддина Айни будет казаться тусклым светом. Поэтому благодарный таджикский народ, оценивая по достоинству гигантский труд основоположника новой литературы и певца таджикской национальной культуры будут хранить имя и дело этой уникальной личности.

Эти слова, прозвучавшие в поздравлении ЦК КП(б) Таджикистана, ЦИК и СНК Таджикской ССР, обращенные Садриддину Айни 26 ноября 1935 года, тоже имели знаковое значение: «Шлем горячий большевистский привет талантливому и любимому писателю таджикского народа в честь празднования тридцатилетия литературной деятельности.

Ваше волшебное писательское перо и горячее благословенное сердце на пути свободы внушило бесконечную любовь к Вашей личности в сердцах таджикского народа. Ваше имя известно и знаменито среди трудящихся братских республик. На примере Ваших произведений учатся, и будут учиться, набираться опыта писательского искусства. Ряды Ваших учеников будут расти больше прежнего.

ЦК, ЦИК и СНК желают Вам и в дальнейшем такого же продуктивного и поучительного творчества на благо нашей социалистической Родины» [26,599-600].

Действительно, творчество и борьба С. Айни являются поучительными, неповторимыми и служат примером для подражания. Подтверждением этому являются десятки книг, статей и диссертаций, расследующих все грани его жизни.

30-е годы XX века оказали серьезное воздействие на многие стороны нашей современной культуры. Литературные мероприятия (юбилеи) являются одним из важнейших элементов культурной жизни общества тех лет и очень полезны во многих отношениях для наших современников.

1. Литературные мероприятия 30-х годов (даты творческой деятельности, творческие вечера, вечера поэзии и др.), кроме всего прочего, имели политическое значение. Коммунистическая партия и правящие круги посредством таких мероприятий пропагандировали великих людей и идеи нового общества (коммунистического), свою политику. В связи с этим пропаганда и внедрение идей эпохи наряду с социалистическим строем, освещение его современных факторов в публицистических произведениях, коллективные письма и статусные книги имели первостепенное значение.

2. В 30-е годы юбилеи 30-летней творческой деятельности А. Лахути и С. Айни, тысячелетие «Шахнаме» Фирдоуси, творческие вечера Пайрава Сулаймани и Мунзима переросли в представления литературного мастерства, расположенности литературы к социальным мотивам. В них, с одной стороны, показывалось продолжение традиций классической литературы, а с другой - утверждалось, что можно творить и другим образом, что копирование жизни тоже может вдохновлять и есть реальная возможность сделать литературу (производственной) отраслевой. Эту мысль подтверждают разнообразные течения литературных школ.

3. Несмотря на уклонистские тенденции, во многих произведениях таджикских литераторов наблюдается целевая установка. Писатели извлекали из традиций нашей классической литературы запоминающиеся части, комментировали суть отрывков сочинений из древней гуманистической литературы, на базе современного ландшафта обогащалась и совершенствовалась поэтика гениальных произведений прошлого, обретала новый блеск.

4. В литературе 30-х годов встречаются примитивные произведения и заказные оды, однако в целом творчество таджикских художников снова являлись не продуктом веления времени, а созданием души и сердца поэтов на пути служения народу и эпохе во имя возрождения нации и народа, упрочения нового общества.

В Таджикистан – со всего света

30-е годы XX столетия считаются особым периодом в культурной и политической жизни таджикского народа. Примечательными событиями этого периода являются образование Таджикской Советской Социалистической Республики и появление культурно-просветительских учреждений в крае, создание многих замечательных произведений о таджикском народе и его исторической судьбе, в том числе первых произведений С.Улугзаде, М.Турсунзаде, М. Миршакара, Хакима Карима, Дж.Икроми, празднование юбилея бессмертного памятника мировой литературы «Шахнаме» Фирдоуси, знаменательных юбилеев С.Айни, А.Лахути. Эти и другие незабываемые культурно-политические события привлекли всеобщее внимание мирового сообщества к молодому государству в Центральной Азии.

Поездки больших интернациональных бригад литераторов Западной Европы и США в республику начались с 30-х годов. Результатом этих поездок являлись книги, мемуары, путешествия, рассказы о жизни народов Средней Азии и особенно о Таджикистане. Эти материалы привлекли внимание не только читателей региона, но и почитателей этого края за рубежом. Произведения членов интернациональных бригад издавались большими тиражами в Советском Союзе и за его пределами. Примером этого можно считать произведения Поля Вайяна Кутюрье «Пробуждение Средней Азии», Эгона Эрвина Киша «Преображенная Азия», Бруно Ясенского «Человек меняет кожу». В них писатели повествуют о строительстве социализма в Средней Азии и в этом числе – в Таджикистане. В 1934-1935гг., после посещения других республик Средней Азии, в Таджикистан приехал известный чехословацкий журналист и писатель Юлиус Фучик. Он был во многих регионах республики, написал и опубликовал циклы очерков о Таджикистане.

Во многих странах мира читатели познали Таджикистан именно через произведения писателей интернациональных бригад. Читателям были представлены также произведения Айни и Лахути. Литературовед А.Маниязов отмечает, что «с тех пор так велик интерес к Таджикистану многих зарубежных литераторов и читателей, приезжающих к нам» [39,4].

Приезд интернациональных бригад из Запада и Америки имели исторические предпосылки, объективные и субъективные стороны. Они хотели продемонстрировать всему миру превосходство социалистического строя, благодаря которому в одной из отсталых восточных стран Российской империи, а именно в Таджикистане, считавшемся воротами в Индию, изменилась к лучшему жизнь и полностью преобразилось общество, на ярком примере хотели показать ту огромную пропасть, которая образовалась между социалистическим государством и капиталистическим миром, который, к тому же, переживал глубокий социально-экономический кризис.

Организатором интернациональных бригад литераторов был польский писатель-публицист, активный деятель рабочего движения Бруно Ясенский. В тот период он являлся редактором журнала «Интернациональная литература», одним из руководителей международного Союза революционных писателей.

Впервые Б.Ясенский узнал о Таджикистане в 1921 году, когда жил как политический беженец в Париже. В это время в Париже находился один из деятелей рабочего движения Польши Томас Домбаль, который в последующем, в 1928 году, выступит с докладом об итогах VI Коммунистического Интернационала на областном пленуме компартии Таджикистана. Томас Домбаль подробно рассказал Б.Ясенскому многое об истории, быте, укладе жизни, литературе и искусстве, географическом расположении и других сторонах жизни народа Таджикистана. После этой встречи у Ясенского появилось желание организовать большую группу литераторов и журналистов для поездки в Среднюю Азию, в Таджикистан.

Он обратился с предложением к председателю Совета Народных Комиссаров Таджикской Автономной Советской Социалистической Республики. Свое стремление обосновал тем, что таким путем можно привлечь внимание европейцев к укладу жизни народов Средней Азии и в том числе Таджикистана. Предложение было принято, но его самого арестовали за антифашистский роман «Я сожгу Париж». Позднее, под давлением мировой общественности, Бруно Ясенский был освобожден из тюрьмы. Весной 1929 года он иммигрировал в Советский Союз и сразу отправил поздравительную телеграмму первому съезду советов Таджикской ССР. Последующая жизнь польского революционного писателя была связана с Советским Союзом, гражданином которого он стал.

В те годы сильнейший экономический и социальный кризис охватил весь капиталистический мир. В странах Европы и Америки происходили забастовки, участники которых бурно поддерживали страну Советов. В 1930 году в Харькове была организована Международная конференция революционных писателей. В ней приняли участие писатели почти всех стран мира. Как символ единomyслия и поддержки политического строя Страны Советов часть участников этой конференции провели встречи с трудящимися в таких городах, как Киев, Москва, Запорожье, Харьков, Минск.

На этой конференции зародилась и получила поддержку идея создания интернациональных бригад литераторов, целью которых была пропаганда социалистической действительности в СССР. Исследуя деятельность интернациональных бригад, Я.Гордон писал: «Передо мной подшивка «Литературной газеты» за 1931 год. По заметкам, корреспонденциям и объявлениям, помещенным здесь, слежу за тем, как появляются и консолидируются члены интернациональной бригады» [38].

Центральные газеты «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Литературная газета», журналы «Огонек», «Вопросы литературы» и другие

издания опубликовали много материалов о деятельности революционных писателей-интернационалистов. Под различными рубриками печатались материалы Анатоля Тидаша, Мате Залки, Яна Матейки (Венгрия), Курта Клебера, Эгона Эрвина Киша (Германия), Поля Вайяна Кутюрье (Франция) и других участников международной конференции.

24 марта 1931 года под рубрикой «Вести из-за рубежа» в «Литературной газете» была опубликована заметка, в которой говорилось: «В Москву приехал известный германский писатель Эгон Эрвин Киш, который займется подготовкой материалов для своей новой книги «О социалистическом строительстве и пятилетнем плане» [38].

На этой же странице сообщалось о прибытии французского писателя Поля Вайяна Кутюрье. «В Москву приехал коммунистический писатель, бывший редактор «Юманите» Поль Вайян Кутюрье» [38].

Бруно Ясенскому, как руководителю интернациональной бригады революционных писателей, очень хотелось, чтобы талантливый французский писатель посетил Среднюю Азию, ближе познал суть происходящих событий. Об этом свидетельствует и статья, опубликованная в «Литературной газете»: «В беседе с нашим сотрудником находящийся в данное время в Москве Вайян Кутюрье заявил: «Мой приезд в Москву, независимо от других намерений, я рассматриваю под углом зрения того интереса, который вызывает на Западе, и в частности во Франции пятилетний план и строительство социализма в СССР» [38].

Таким образом, претворялись в жизнь цели Бруно Ясенского, руководителей интернациональных бригад революционных писателей, в особенности венгерского литератора Белы Илеш. Были организованы две бригады, одна из которых должна была бы выехать на Кавказ, а другая - в Среднюю Азию. В составе первой бригады были Поль Вайян Кутюрье, Джошуа Кюниц, Карл Грюнберг, Эмиль Мадарис. Со второй бригадой в

Среднюю Азию направились Бруно Ясенский, Эгон Эрвин Киш, Эрнест Глезер, к которым позднее присоединились П.В.Кутюрье и Д.Кюниц.

Основная цель бригад высказана в заметке, опубликованной в «Литературной газете»: «Эта интернациональная бригада писателей выедет в конце мая в двухмесячную поездку в Среднюю Азию, Таджикистан и на Памир» [38].

Однако революционные писатели чуть позже намеченного времени выехали в поездку по Средней Азии. Они чувствовали огромную ответственность своей миссии. Особенное внимание уделили они седьмой республике Советского Союза – Таджикистану. Эта республика представляла большой стратегический и политический интерес. В то время капиталистический мир будоражил экономический и политический кризис, и мир видел свое освобождение в развитии первого социалистического государства. Все хотели знать правду об СССР и ее республиках, и поэтому писатели-интернационалисты ставили перед собой задачу осветить успехи социалистического строительства, рассказать об этом жителям Запада и Америки. Писатели побывали на всенародных стройках, встретились с рабочими, инженерами, рассказали о жизни рабочего класса своих стран, их солидарности со строителями социалистического общества.

Первая группа писателей после месячной поездки по Кавказу вернулась в Москву. Они побывали на больших стройках, в колхозах и совхозах, встречались с нефтяниками и газовиками Баку, рабочими завода «Ростсельмаш» и др. В результате этой поездки были написаны очерки, путевые заметки, книги, повести, которые публиковались на русском, тюркском, английском, немецком и французском языках. Очерки и репортажи первой группы печатались на страницах республиканских и центральных газет, особенно часто их публиковала «Литературная газета». Интересными были публикации Э.Мадраса, Карла Грюнберга, Д.Кюница и

Поля Вайяна Кутюрье о социалистических преобразованиях на Северном Кавказе, опубликованных на страницах «Литгазеты».

Поль Вайян Кутюрье был включен и во вторую группу. После возвращения с Кавказа он самолетом перебрался в Среднюю Азию.

Среди писателей, приехавших в Среднюю Азию, Эгон Эрвин Киш считался основной фигурой. Его книга «Неистовый репортер» пользовалась огромным успехом в Европе и свидетельствовала о незаурядном таланте автора. Кроме указанной книги Э.Э.Киш, побывавший в Америке, Африке и России, издал такие работы, как «Американский рай», «Неистовый репортер в России», «Цари. Попы. Большевики», где раскрыты характерные черты зародившегося экономического кризиса в капиталистических странах. В 1933 году фашисты арестовали Э.Э.Киша, однако под давлением передовой общественности вынуждены были освободить его.

Талантливый очеркист оправдал доверие Бруно Ясенского и других писателей, которые настаивали на его посещении Кавказа и Средней Азии. Его книга «Изменившаяся Азия» и по сей день считается самой востребованной читателями книгой.

Члены интернациональных писательских бригад не только были из различных стран, но и по национальной принадлежности были различными людьми. Представитель чешской науки и литературы Э.Э.Киш, американцы Д.Кюниц и Луи Лозовик успешно продолжили традиции Джона Рида. Норвежский публицист Отто Люин, журналистка Анна Берзин (супруга Бруно Ясенского) так же написали ряд занимательных и содержательных очерков о Таджикистане.

Большая группа зарубежных революционных писателей с энтузиазмом побывала в Казахстане, Узбекистане, Таджикистане, Киргизистане. Местные газеты и журналы широко освещали это знаменательное культурно-просветительское событие. В «Правде Востока» под рубриками «Пламенный привет интернациональным революционным бригадам», «Приезд в Среднюю

Азию бригады писателей - очеркистов и художников», «Крепите международную смычку революционной пролетарской литературы» печатались циклы материалов членов бригады. Газеты «Правда Востока», «Кизил Узбекистан», «Коммунист Казахстана», «Тоҷикистони сурх», «Чавонони Тоҷикистон», «Хакикати Узбекистон», «Коммунист Киргизстана» подробно ознакомили своих читателей с членами интернациональной бригады революционных писателей. «Правда Востока» писала: «Мы расскажем трудящимся Европы и Америки о величайшем культурном и экономическом росте Советской Средней Азии» [57]. В этой же газете печатались фотографии членов бригады, их встречи с представителями различных слоев общества, отчеты о встречах, беседах с интеллигенцией, студентами, рабочими, колхозниками, представителями различных профессий.

Особенно широко освещался приезд писателей в город Ташкент. При встречах они рассказывали о целях и задачах поездки революционных писателей, говорили о дружбе между народами и торжестве социализма. Эгон Эрвин Киш в статье, опубликованной в «Правде Востока», писал: «Та Азия, которая поражала европейцев в этнографических музеях, как экзотический паноптикум, - эта Азия строит теперь современную индустрию, современное сельское хозяйство и современную культуру для служения социализму, который должен стать образцом для стран Запада» [57].

Большинство опубликованных произведений интернациональных писателей носили пропагандистский характер. Они признавали правильно избранный путь советского народа и считали строительство социализма единственным способом избавления от кризиса, хотя и констатировали, что в стране все еще много неполадок, голод, насилие, преследования. Они с надеждой заглядывали в будущее.

Из очерков, репортажей, корреспонденций, повестей и романов понятна суть: не все писатели-интернационалисты признают существующий

строй единственно верным, однако они призывали к тому, чтобы этот идеологический строй доказал свое превосходство. В те годы, как было сказано выше, всеобщий кризис всколыхнул Европу и весь мир, и в это время надо было доказать превосходство социализма. Об этом писали Поль Вайян Кутюрье, Отто Люин, Бруно Ясенский, Эгон Эрвин Киш, Анна Берзин, Т.Линнер, Л.Лозовик, Д.Кюниц и др.

После посещения Узбекистана, летом 1931 года, члены интернациональной бригады писателей приехали в Таджикистан. Об этом сообщила «Правда Востока»: «12 июня интернациональная бригада революционных писателей выехала из Ташкента в Таджикистан, где пребудет около двух месяцев. Бригада ознакомится с социалистическим строительством седьмой союзной республики» [57].

Они поездом побывали сначала в Самарканде, затем в Бухаре, а потом прибыли в Сталинабад. Поезд шел в Таджикистан, «страну, - по словам Э.Э.Киша, - которая является целью нашего путешествия, страну новой действительности, в самую молодую Советскую республику» [31,39].

15 июня поезд прибыл в Сталинабад. На вокзале их встречали партийные работники, рабочие, студенты, учителя с цветами и морем улыбок. Газеты «Тоҷикистони Сурх», «Коммунист Таджикистана» и «Чавонони Тоҷикистон», печатая снимки, поместили сообщения на английском, немецком, русском и таджикском языках. На следующий день началась работа - писатели посещали исторические места столицы, побывали в Наркомпросе, редакциях газет, Доме Красной Армии, на заводах и фабриках. 17 июня группа зарубежных писателей посетила строящуюся Варзобскую ГЭС. Варзобское ущелье очень понравилось гостям, особенно Бруно Ясенскому. Позже здесь же он написал роман «Человек меняет кожу».

Бруно Ясенский и Эгон Эрвин Киш побывали в редакции газеты «Коммунист Таджикистана», просмотрели подшивки, ознакомились с материалами местных журналистов, обогатили свое представление о

прошлом и настоящем таджикского народа, ознакомились с научной литературой об этнографии и географической специфике Таджикистана. Им были подарены книги и брошюры об истории Таджикистана.

Столичные газеты ежедневно на своих страницах освещали работу зарубежных писателей. Вторая страница «Коммуниста Таджикистана» всецело была посвящена деятельности революционных писателей. В аншлаге были набраны такие лозунги, как «Да здравствует братство революционных писателей всего мира», «Революционная литература – могучее оружие в борьбе с капитализмом» [66]. В газете «Тоҷикистони Сурх» были помещены такие подборки, как «Революционные писатели – наши гости», «Добро пожаловать интернациональные писатели в Таджикистан!», «Да здравствует дружба интернациональных писателей в СССР!» [15]. В этих рубриках рассказывалось о жизни и деятельности зарубежных писателей, их произведениях.

Бруно Ясенский со страниц газет и в беседах открыто рассказывал о целях пребывания революционных писателей в республике, подчеркивал, что они намерены отобразить в своих произведениях политическую, экономическую и социальную жизнь людей, строительство социализма.

В периодической печати выступили абсолютно все члены бригады. Эгон Эрвин Киш на страницах «Коммуниста Таджикистана» так разъяснял цель пребывания писателей, своих коллег, в Таджикистане: «Почему мы приехали в Таджикистан? – спрашивал он и отвечал: - Это наиболее молодое в мире государство, в то же время и важнейшее государство в мире... Здесь сталкиваются коммунистическое строительство Таджикистана и колониальная эксплуатация Индии, здесь стратегические ворота для будущей войны против Советского Союза, которую готовит империализм при помощи Лиги Наций, идеологически и при помощи басмачества – территориально.

Наша задача вскрыть закулисную сторону подготовки к войне и рассказать об этом пролетариату всего мира. И, кроме этого, рассказать как рождается социализм в Таджикистане» [66].

Зарубежные писатели находились в Таджикистане шесть недель. Разъясняя их цель и задачи в Таджикистане, Бруно Ясенский писал, что зарубежные писатели побывали в дальних селах, городах, важных с экономической и демографической стороны, районных центрах, стройках, беседовали с населением, ознакомились с Душанбе, Памиром, Худжандом, побывали на Вахшстрое. Каждый писатель имел определенную задачу и для этого ездил по долинам и областям. Средством передвижения были и кони, и арбы, и поезда, и самолет. Было написано много информационных материалов, статей, проведено множество бесед.

17 июня 1931 года писатели-интернационалисты побывали на строительстве Варзобской гидроэлектростанции. По случаю приезда гостей состоялась демонстрация. На встрече выступили гости. Бруно Ясенский говорил о переменах времени, достижениях социалистического строя. В тот же вечер группу революционных писателей принял Председатель Совета Народных комиссаров Таджикской ССР Абдурахим Хаджибаев, пожелавший писателям удачи в творческой работе.

26 июня 1931 года газета «Коммунист Таджикистана» начала публикацию серии материалов о членах интернациональной бригады писателей. Например, под заголовком «Революционный писатель Польши» с фотографией Бруно Ясенского, «Революционный писатель Франции» о Поле Вайяне Кутюрье. Эти и другие материалы печатались под рубрикой «Бригада знакомится с долинами Таджикистана». А направления поездок писателей в южный Таджикистан выглядели следующим образом: Арал (Куйбышев, ныне Ходжамастон), Курган-Тюбе – строительство Вахша, Камар – Пархар – Чубек – Куляб – Саричашма – Шурабад – Ховалинг – Кангурт.

Бригада интернациональных писателей стала свидетелем завершения гражданской войны, о чем они написали в своих очерках, репортажах, книгах. По случаю завершения гражданской войны в Кокташе состоялся всенародный праздник. На нем присутствовали члены интернациональной бригады революционных писателей. Они здесь же услышали весть о задержании Красной Армией главаря басмачей Ибрагимбека. Об этом событии в своем очерке написал Поль Вайян Кутюрье: «Он был разбит Красными полками. Это жестокое поражение не только для него, но и для всех империалистов, которые эксплуатируют и терроризируют Азию» [58,20].

Всенародный праздник открыл Председатель Совета Народных Комиссаров Таджикской ССР А.Ходжибаев. Он же оповестил собравшихся о пленении главаря басмачей Ибрагимбека, говорил о перспективах блестящего будущего, строительстве социализма. Его слушали и революционные писатели. Председатель А.Ходжибаев ознакомил писателей с планом борьбы Ибрагимбека против Советского правительства. После митинга революционным писателям предоставили возможность лично побеседовать с героями гражданской войны.

Вечером того же дня была отправлена телеграмма А.Ходжибаева на имя командира краснодобровольцев Мукима Султонова, который накануне сообщил о пленении Ибрагимбека и его приближенных. Эгон Эрвин Киш в своей книге «Изменившаяся Азия» приводит полный текст этой телеграммы. Таким образом, интернациональная бригада писателей оказалась в центре событий и отметила окончание гражданской войны в Таджикистане.

Интересной была поездка интернациональных писателей в Арал, Гарм и Ходжент. Эти районы с демографической, географической, социальной и исторической точки зрения коренным образом отличались друг от друга. Обо всем этом подробно пишут в своих произведениях Эгон Эрвин Киш, Вайян Кутюрье и Кюниц.

Очерки Э.Э.Киша «От тигров к хлопководческим колхозам», «Я Хасият Миркулан», «Путешествие от истока к устью шелковой промышленности», «Что изменилось в Ходженте?» и «Доклад о хлопке» помещены в книге «Изменившаяся Азия» и целиком посвящены Таджикистану. Каждый из этих очерков имеет историческую предпосылку, и развернутая констатация фактов доступно оповещает о происходящих событиях тех далеких лет.

Приехав в Гарм, Э.Э.Киш сразу занялся изучением истории этого края, беседовал со старожилами региона, выступал по местному радио, рассказывал своим слушателям о происходящих событиях в мире. Свои наблюдения о Гармском регионе он поместил в очерке «Мы обзираем город Гарм».

Старый Худжанд новыми красками и противопоставлениями отображен в очерках Э.Э.Киша и П.В. Кутюрье. В результате долгих бесед с народом, анализа многочисленных исторических источников членами интернациональной бригады революционных писателей отображена история возникновения и развития шелковой промышленности в Худжанде. Они сопоставляли промышленность Худжанда с Соединенными Штатами, показывали преимущества социалистических предприятий.

Исследуя произведения революционных писателей о Таджикистане, Я.Гордон отмечает: «Примечательно, что и Киш, и Вайян Кутюрье обращают внимание на одни и те же важнейшие стороны того, что происходит в Ходженте, в Таджикистане. Таджики изучают секрет производства духов, перенимая опыт Запада, но ведь, собственно говоря, этот промысел впервые возник на Востоке и оттуда пришел в Западную Европу...» [19,53]. Этот же исследователь с воодушевлением пишет о мастерстве пролетарских писателей: «Значение того, что происходит в долинах среди гор самой молодой Советской Республики, оказывается гораздо большим, чем может представиться с первого взгляда, и понять это дано таким писателям и

талантливым журналистам, как Поль Вайян Кутюрье и Эгон Эрвин Киш» [19,53].

Очень впечатлительны очерки революционных писателей о Вахшстрое. В них запечатлены почти все трудности времени и стройки. В них говорится о превращении болот и тугайных земель в ровные хлопковые поля, об освоителях этих земель. Героями очерков выступают простые рабочие, колхозники, лаборантки, бригадиры, описывается их труд, быт. Интересны заключительные слова Эгона Эрвина Киша: «Как изменился бы мир, если бы повсюду организовались подобные рабочие бригады, идущие с воодушевлением в пустыню, чтобы перестроить ее» [31,136].

Как было отмечено выше, такие газеты, как «Известия», «Правда», «Комсомольская правда», «Правда Востока», «Коммунист Таджикистана» и «Тоҷикистони Сурх», постоянно помещали на своих страницах материалы о поездках членов интернациональной бригады революционных писателей, печатали их очерки и репортажи. Бруно Ясенский с гордостью писал, что Таджикистан, после РСФСР, единственная республика, которая имеет богатую, с особыми традициями литературу. В беседе с корреспондентом «Коммуниста Таджикистана» он подчеркивает: «Как видите, «Известия» не преувеличивали, назвав недавно нашу бригаду наиболее продуктивной и удачной из литературных бригад. Можно сказать, без преувеличения, что ни одна из союзных республик (за исключением РСФСР) не располагает в международном масштабе такой богатой литературой» [66].

В это время читатели были знакомы с романом Б.Ясенского «Человек меняет кожу». Роман был издан также в ряде европейских стран, в том числе во Франции, и пользовался успехом среди почитателей таланта писателя. Как руководитель группы революционных писателей он был удовлетворен результатами работы в Таджикистане:

«Надо сказать, что, организовав эту бригаду и везя ее в Таджикистан, я не рассчитывал на такую продуктивность всех ее членов и на такой большой международный резонанс, какой на самом деле вызвала эта поездка» [57].

Очерки и репортажи революционных писателей печатались не только в газетах и журналах СССР, но и за рубежом, в Европе и Америке. Поль Вайян Кутюрье был тем писателем, который целиком и полностью писал только о Таджикистане. Его очерки «По дороге в Азию», «Первая встреча с басмачами», «Бандиты на фронте врагов Советской власти», «Сталинабад – очаг социалистической культуры», «Праздник красных палок», «Конец бандита Ибрагим-бека», «Ударный отряд Варзобстроя», «В коллективном хозяйстве горцев», «Песнь о латинском алфавите», «На советском Вахше», «Ночь на магистрали Куляб-Сталинабад», «От колониального рабства к национальной свободе», «Азиатская Калифорния» и др. были опубликованы на страницах французской «Юманите», позже все они были изданы отдельной книгой под названием «Средняя Азия пробуждается».

Свои ощущения о Таджикистане Э.Э.Киш, Отто Люин, Луис Лозовик, Д.Кюниц и Анна Берзин описали в своих очерках и репортажах на страницах периодической печати Норвегии, Америки, Австралии, Польши, Германии, Чехословакии.

Джулия Кюниц в 1934 году повторно посетила Среднюю Азию, в том числе Таджикистан. Тогда она и написала книгу «Заря над Самаркандом». Книга в 1935 году была издана в Нью-Йорке. Она состояла из четырех частей, которые назывались «Старые и новые впечатления», «Завершение буржуазной революции», «Построение социализма в Таджикистане», «Советская Азия – 1934». Содержание преимущественно посвящено Таджикистану. В книге много ценных сведений о таджикской литературе, поэзии, фольклоре и основоположнике таджикской советской литературы, а эпиграфом в книге использованы строки из стихотворений А.Лахути. Книга американского писателя-публициста считается одним из лучших образцов

такого рода произведений и обладает многими другими художественно-публицистическими достоинствами.

Бруно Ясенский обратил особое к внимание на событиям в Таджикистане. В беседе с корреспондентом газеты «Правда Востока» он говорил: «Дело в том, что с первого знакомства с Таджикистаном у меня зародилось желание вскрыть в художественном произведении те интереснейшие процессы, развертывавшиеся под цветастой оболочкой восточного халата, в который одела Таджикистан природа и литература, прощупать эти процессы и показать их на живых людях, заставляющих расти эту страну и растущих вместе с ней» [57].

Он посетил все уголки северного и южного Таджикистана, побывал на Памире. Роман «Человек меняет кожу» явился результатом этих поездок. С этой целью он принимал активное участие в Вахшстрое, близко знакомился с таджикскими писателями. С того времени Б.Ясенский считал себя частицей Таджикистана. «Я сел писать о Таджикистане в тот момент, когда почувствовал себя одним из действующих лиц таджикской действительности, когда уяснил себе, что перестаю воспринимать Таджикистан как чужую жизнь – любопытную, захватывающую, но чуждую и ощутил ее впервые как свою личную» [57].

Написанные Б.Ясенским произведения систематически печатались на страницах периодической печати Советского Союза и стран Европы. Его произведения стали связующим мостиком между Азией и Европой. Зарубежные читатели через его произведения узнавали о процессе созидания социализма и успехах седьмой Советской республики – Таджикистана.

Во время своей поездки Б.Ясенский очень близко познакомился с таджикскими писателями Мирсаидом Миршакар и Гани Абдулло. Это знакомство стало основой большой дружбы. Об этой дружбе неоднократно писал М.Миршакар. В частности, в статье «От Вахшстрога до Рогуна» он отмечает: «На Вахшстрое встретился с Бруно Ясенским. Знаком был с ним

раньше, вместе работали в бригаде Коминтерна в сельских районах республики. Объединила нас любовь к литературе. Я узнал что он писатель и поделился самым сокровенным, признался, что пишу стихи, рассказал о детстве, которое прошло в горах Памира» [50].

И Гани Абдулло, рассказывая о роли Бруно Ясенского в своей судьбе, пишет: «Первыми моими литературными учителями были устод Садриддин Айни и устод Абулкасым Лахути. Третьим я могу назвать большого писателя, доброго друга моего народа, Бруно Ясенского» [3,57].

Позже Гани Абдулло неоднократно встречался и беседовал с Б.Ясенским в Душанбе, Москве, Минске, где вспоминали свои встречи по работе на Вахшстрое, о том, как их дружба переросла в дружбу двух литератур, двух народов.

Лахути и Бруно Ясенский относятся к той когорте писателей, чьи судьбы близки друг к другу. Лахути относился к революционному Востоку, а Б.Ясенский к революционной Европе. Эти две великие личности с теплой любовью относились к Советскому Союзу, в одном ряду служили развитию мирового сообщества. Творческие планы и миролюбивое мышление сблизило их. Участие в международных конференциях, семинарах, совещаниях, участие в МОПРе, Союзе писателей СССР, встречи, беседы в рабочих кабинетах журнала «Интернациональной литературы» вели их к прочной дружбе. Они готовили (по 2-3 пункту) первый съезд писателей Таджикской ССР, который открылся 19 апреля 1934 года. В протоколе заседания ЦК КП(б) Таджикистана говорится: «Руководство съездом возложить на комиссию, утвержденную ЦК, пополнив ее состав т.т. Бруно Ясенским, А.Лахути, С.Айни.» [21].

Представители интернациональной бригады писателей участвовали и выступали на первом съезде писателей Таджикистана. В дневнике указанного съезда зафиксировано: «Поль Низан. Он приветствует Первый съезд

советских писателей Таджикистана от имени международного объединения революционных писателей, Компартии Франции» [67,104].

Упомянутые представители интернациональных писателей провели много встреч с трудящимися, выступали в библиотеках, беседовали с корреспондентами. Я.Гордон, рассказывая о дружбе А.Лахути и Б.Ясенского, пишет: «Хотелось бы отметить роль, которую сыграл Бруно Ясенский в жизни ряда Таджикских писателей. Он был другом Абулкасыма Лахути, вместе объездили Таджикистан, работали в МОПРе. Они не раз встречались в Союзе писателей СССР и дома у таджикского поэта» [19,115]. Б.Ясенский перевел стихи С.Айни, А.Лахути, Г.Абдулло, М.Миршакара на русский язык, издал их в центральных изданиях. Автор романа «Человек меняет кожу», называл Вахшскую стройку и Таджикистан «Заря на Востоке».

Чешский журналист и писатель Юлиус Фучик трижды побывал в Средней Азии. Первый раз в 1930 году как представитель рабочего класса, по приглашению рабочей организации «Интергельпо» («Взаимная помощь»), которая в те времена отмечала свое 5-летие. Во второй и третий раз Юлиус Фучик в Средней Азии был в качестве корреспондента газеты «Руде Право» - органа ЦК КП Чехословакии в 1934-1935 годы. Его поездки в Киргизию, Узбекистан освещены в исследованиях чешских, русских, киргизских и узбекских литературоведов, в частности в работах Густы Фучиковой [73], Иды Радволиной [59], А.Бочкарева [14], А.Каниметова [29], И. Абдурахмоновой [2], Т.Вановской [18] и др.

Однако в Таджикистане жизнь и творчество Юлиуса Фучика исследователями мало изучена. В статьях и воспоминаниях М.Турсунзаде [71], А.Глуховского [22], В.Когана [32], Е.Лапиной [34], Я.Гордона [19] и И.Усмонова [72] дается общая характеристика отдельных работ писателя.

Как было отмечено, приезд Фучика в Душанбе не был случайным. Он мечтал об этом всю жизнь. Особенно возрос его интерес к Таджикистану после подготовки им к печати книги Бориса Лапина «Повесть о стране

Памир» на чешском языке. Как отмечает И.Усмонов, «Фучик был знаком с персязычными народами через произведения дореволюционных мыслителей, изданные в Европе. Без этого трудно было бы ему за короткое время изучить и глубоко познать культуру и литературу народа» [72].

Кроме того, он как истинный журналист-профессионал всесторонне изучил очерки и репортажи Поля Вайяна Кутюрье, Эгона Эрвина Киша в немецких, чешских, австрийских и французских изданиях. Сам же интерес к Азии пробудили работы Э.Э.Киша, собранные в книге «Азия основательно переменялась» (1932).

Юлиус Фучик перед поездкой в Таджикистан основательно побеседовал с революционными писателями Абулкасымом Лахути и Бруно Ясенским. Эта беседа дала повод третьей поездке Ю.Фучика в Среднюю Азию, в Таджикистан. В письме своей супруге Густе Фучиковой 8 апреля 1935 года он пишет: «Материал, привезенный мною из Средней Азии, очень богат и интересен. Но мне никак не хочется излишне увлекаться экзотикой. Есть кое-что поважнее и конкретнее для нас, то есть для того мира, который лежит за границей СССР» [75,433]. Во время третьей поездки по Средней Азии он изучал книги ученых об истории Средней Азии, о Бухаре и Самарканде, особенно заинтересовался работой венгерского исследователя Вамбери.

В третьей поездке Юлиуса Фучика сопровождали ленинградские писатели Александр Гитович, Николай Жданов, Борис Лихарев. Их встретили таджикские журналисты, благодаря чему он и его спутники прямиком попали в редакцию газеты «Коммунист Таджикистана». Его редактор А.Глуховский, вспоминая об этой встрече, пишет: «Поздно ночью с вокзала мы заехали прямо в редакцию, где в те годы приходилось работать по ночам, почти до рассвета. И сидя в редакционной комнате, мы сразу забыли о неловкости. Юлиус Фучик забросал нас вопросами, которые

касались всего – и жизни республики, и настроения людей, и работы нашей печати, и наших больших и малых планов, и нашего личного быта» [22,96].

Юлиус Фучик не знал многого об истории таджикского народа, его классической и современной литературе, отдельных писателях. В Душанбе он долго беседовал с А.Глуховским, Н.Пирумкуловым, К.Дайлами, работниками газет «Чавонони Точикистон», «Точикистони Сурх», руководителями республики, секретарями и ответработниками ЦК комсомола республики, профсоюзов.

И.Усманов отмечает: «В те же времена наша печать начала приобретать силу, изучала действительность. Было время становления таджикской журналистики. Тогда в Таджикистане не было, как сейчас, более 80 газет, а те, что были, выходили малыми тиражами. Но это была новая пресса – пресса Советского Таджикистана, и уже второй год печатался «Точикистони Сурх». В этой связи беседы друзей были практическими, деловыми и очень искренними» [72].

Поездка в Таджикистан длилась целый месяц. За это время Ю.Фучик побывал почти во всех уголках Таджикистана. Ходил по улицам Душанбе, стройкам Вахша, побывал в Гарме, Вандже, Даштиджуме, Калаи Хумбе, Пяндже и Ходженге. За время поездки встречался со многими людьми, собрал богатый материал, написал много очень интересных вещей, среди которых можно выделить очерки «Няня», «Солнце на службе социализму», «Средневековая экзотика», «Мистер – Твистер», «Степь и вторая пятилетка», «По колхозам Ферганской долины», «Когда темнеет над Пянджем», «Рассказ полковника Бобунова о затмении луны», «Самолетами в борьбе за Таджикистан», «Нурнисо Гулям едет на осле» и другие, рассказывающие о буднях и грядущем Таджикистана. Основными героями произведений Юлиуса Фучика являются простые люди, деревенские женщины, представители интеллигенции, хлопкоробы, ткачихи. Особенно запоминающимися выглядят женщины свободного Востока.

25 ноября 1935г. в театре им. Лахути торжественно отметили 30-летие творческой и общественной деятельности Садриддина Айни, в котором участвовал и выступил с пламенной речью Юлиус Фучик. После нескольких дней его выступление опубликовали газеты «Тоҷикистони сурх», «Коммунист Таджикистана» и «Чавонони Тоҷикистон». Ю.Фучик начал свое выступление стихами юбиляра и подчеркнул все достижения таджикского народа за годы советской власти, где, в частности, говорится: «Знакомясь с Таджикистаном, я часто повторял себе эти стихи товарища Айни. Повторял, чтобы не забыть: да, вот эта прекрасная богатая страна, идущая семимильными шагами к зажиточной культурной жизни, - это же та страна, из которой еще двадцать лет назад в Европе слышен был голос страшного страдания.

Не много лет прошло, а кажется, прошли века. Мы, в Средней Европе, слышали о варварстве в Средней Азии. Теперь тут культура, рост, подъем, а голос варварства звучит сейчас в Европе» [76.130].

Размышляя о книгах Айни, Фучик считает их зеркалом жизни таджикского народа, образцом литературы мирового значения. К примеру, его выступления на юбилее писателя заканчивались такими словами: «Товарищу Айни все, выражая свою любовь, дарят подарки. Я как человек приезжий этого не могу сделать, поэтому примите мое обещание приложить все силы к тому, чтобы Вы смогли приехать в Чехословакию и получить тот подарок, который порадовал бы Вас» [76,130].

В ответ на эти слова гостя С.Айни, поднявшись, снял с себя подаренный халат (чапан) и нежно одел его на плечи чехословацкого журналиста и писателя, о чем в последующем не один раз вспоминал сам Ю.Фучик.

Во время своего пребывания Фучик неоднократно беседовал с С.Айни. Они не знали язык друг друга и беседовали через переводчика. Примечательно то, что оба писателя не знали и русского языка должным

образом. Странно и то, что даже переводчик не хорошо владел русским языком. Однако писатели прекрасно понимали друг друга, чувствовали, что думают одинаково. Айни вошел в творчество Ю.Фучика как утонченный знаток классического наследия таджикской литературы.

Фучик имел также продолжительные беседы с такими таджикскими писателями, как Р.Абдулло, М.Турсунзаде, М.Рахими, Г.Абдулло, Дж.Икромии, О. Исмати, Сухайли, Алихуш и др.

Группа интернациональных революционных писателей под руководством Бруно Ясенского неоднократно посещала Среднюю Азию, в частности Таджикистан. Они написали много ярких художественных и публицистических произведений. В их произведениях тонко и мастерски описаны все стороны жизни вновь рожденной республики, ее истории, культуры, литературы, фольклора, экономики, промышленности. Размышляя об этом, Я.Гордон пишет: «Путешествия по Таджикистану не только вобрали в себя потрясающий по яркости и значительности для революционных художников материал, но при этом дали возможность общаться друг с другом, вести между собой беседы по поводу того, что им встречалось по пути, делиться, во многих случаях, по этому поводу впечатлениями. Они спорили и высказывались по многим вопросам друг перед другом – в купе скорого поезда, в кабине самолета, у костра в горах, в кузове грузовика, на разбитой дороге Душанбе – Курган-Тюбе, ночью в глухой беззаконной кибитке-мазанке, в прохладе ущелья у бегущей и ревущей воды. Писатели обсуждали друг с другом жгучие вопросы истории и современности Таджикистана» [19,131].

Бригада революционных интернациональных писателей воочию увидели Таджикистан со всеми его проявлениями и представили его мировому сообществу во всей красе.

Творческий союз писателей

В 30-е годы понятие «печать» и «литератор» были почти синонимами. Поэтому борьбу печати за создание и укрепление Союза писателей можно понимать как борьбу за процветание и развитие работы прессы. В то время литератор от журналиста мало отличался, темы и жанры тоже были едины.

Современная литература независимого Таджикистана оставила за собой длинный и извилистый путь, не помня о котором, не изучив и не осмыслив ее развития на различных стадиях, невозможно понять победы и поражения пройденного пути, оценить по достоинству самоотверженность смельчаков этой отрасли.

История появления и становления направлений, течений и литературных организаций Таджикистана имеет много схожего с появлением и развитием похожих центральных советских учреждений того времени.

По этому поводу достаточно подробное исследование провел Маъруф Раджаби [61]. В исследовательских кругах пользуются успехом работы Х. Мирзозаде. По его данным, в 1922 году в Самарканде усилиями Абдулкаюма Курби Самарканди было учреждено «Чамъияти шоирон» («Общество поэтов»). Из этого исследования также выясняется, что в 1925 году при газете «Овози тоҷик» было создано «Общество редакторов» и в 1930 году действовала таджикская секция литературной организации таджикоязычных писателей Узбекистана под названием «Калами сурх» («Красное перо») [44,143-150]..

Невзирая на трудности, которые отмечали в своих исследованиях Ф. Раджи, Х. Мирзозаде, А. Набиев, М. Раджаби и другие, до создания основной организации писателей в Таджикистане действовали «Общество поэтов» (1922), «Общество редакторов» (1925), «Красное перо» (1930), «Секция таджикских советских писателей» (1932) и «Ассоциация пролетарских писателей Таджикистана», затратившие большие силы на организацию и

создание единого творческого союза и введения литературной работы в определенные рамки. В те времена, наряду с Айни и Лахути, таджикскому читателю были известны А. Мунзим, М. Сарвар, А. Хамди, М. Рахими, М. Аминзаде, Б. Азизи, П. Сулаймони, С. Джавхаризаде, З. Джавхари и Дж. Икроми. О плюсах и минусах организаций и мастерстве отдельных писателей того времени сказано много, и в этой связи, думается, повторение было бы неуместным.

В сентябре 1930 года свет увидела переписка коллектива газеты «Коммунист Таджикистана» с М. Горьким, в которой были отмечены достижения трудящихся Таджикистана, в частности интеллигенции.

Задача перестройки литературно-художественных организаций всегда была в поле зрения парторганизации республики. Так, 10 июля 1932 года на основании постановления ЦК ВКП(б) [26,573] от апреля того же года ЦК КП(б) Таджикистана было принято специальное решение о роспуске Организационного бюро пролетарских писателей Таджикистана и учреждении Организационное бюро советских писателей Таджикистана [26,574-576].

В третьем пункте решения членами Оргбюро были назначены А. Лахути, С. Айни, С. Улугзаде, К. Терегулов, К. Дайлами, М. Хасани, М. Рустамов, Б. Азизи, М. Бурханов и Юртаев.

Новый состав бюро проделал огромный объем работы. В дополнение к празднованию 30-летия творческой деятельности А. Лахути были организованы мероприятия, которые способствовали дальнейшему развитию национальной культуры. В том числе были приняты меры по переводу и изданию трудов М. Горького. В состав Государственного издательства Таджикистана была включена группа переводчиков.

Полномочному послу Тадж.ССР Абдуджабборову было поручено создать места и условия для полноценной работы переводчиков в Москве и Ленинграде.

Как известно, до половины 1932 года, т.е. до выхода решения ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г., в Таджикистане действовало Общество пролетарских писателей, но, как писал редактор газеты «Тоҷикистони сурх» К. Дайлами, «состав, в основном, был кабинетным, собираясь в конторском стиле, дома у Касими, непосредственно занимался обсуждением литературных проблем, знакомился с произведениями отдельных писателей, обсуждал их, организовывал собрания по тому или иному вопросу, обсуждал различного рода работы, принимал решения по тому или иному произведению, издавал большие критические статьи с социальным содержанием, осуществлял идейно-политическую опеку, давал оценку литературе с большевистской и классовой позиции» [15].

Как было отмечено в первой части настоящей работы, в преддверии первого съезда писателей, который в целом и способствовал организованной работе Объединения писателей Таджикистана, был проведен ряд важнейших мероприятий.

В регионы были направлены специальные бригады писателей, в то же время создавались отделения «Объединения» в районах и местностях, где также обсуждались произведения местных писателей. Целый комплекс проблем литературной жизни обсуждался на страницах газет «Тоҷикистони сурх», «Чавонони Тоҷикистон», региональной печати и литературной странице журнала «БАС».

Особое внимание уделялось воспитанию молодых литературных кадров. ЦК КП(б) Таджикистана 24 ноября 1933 г. выслушал и обсудил доклад А. Лахути о «Подготовке к республиканскому и всесоюзному съезду советских писателей». В резолюции принятого решения, в частности, подчеркивалось, что задача привлечения и оказания доверия молодежи, а в особенности рабочим и колхозникам, вступать в ряды писателей поставлена очень слабо [26,567]. Эта задача также была обсуждена и в других районах республики.

Следует отметить, что первые очерки и рассказы М. Турсунзаде, М. Миршакара, Дж. Икромии, Р. Джалила были представлены на суд читателей именно в это время. Творческая молодежь в лице С. Айни нашла и устода, и духовного отца, который в этом плане не желел ни сил, ни времени.

В канун съезда в Сталинабад приехала группа членов Всесоюзного комитета организации советских писателей (А. Лахути, Б. Ясенский – руководитель бригады, В. Шкловский, Б. Лапин, П. Васильев, З. Хацревин, М. Зинкевич и французский писатель Поль Низан). Как писала газета «Тоҷикистони сурх», группа приехала для «перестройки работы местного Оргкомитета, для помощи в ходе подготовки писателей Таджикистана к всесоюзному съезду писателей» [15].

В это время, как пишет газета «Тоҷикистони сурх», 27 апреля прошел творческий вечер молодого поэта Пайрава Сулаймони. На этом вечере после доклада председателя оргбюро Носирова, с всесторонним докладом о творчестве Пайрава Сулаймони выступил В. Шкловский. Многочисленными примерами из таджикской классической литературы он доказал, что у таджиков до этого существовала истинно классическая, многовековая литература и молодежь не вправе предавать забвению многовековые традиции своей литературы.

25 апреля в Доме печати было проведено поэтическое собрание под руководством А. Лахути. В работе собрания также приняли участие московские писатели. А. Лахути сделал доклад о молодых литераторах Таджикистана. Затем слово взял гость, член литературной бригады М. Зинкевич. Он отметил, что в произведениях молодых таджикских поэтов преобладает агитационно-пропагандистская поэзия и лозунги, придающие им публицистический характер. В стихах не наблюдается конкретной цели, мало используется богатый опыт классической литературы. Он привел несколько примеров из поэзии А. Лахути и призвал молодежь к изучению его литературной школы.

Поэт Павел Васильев напутствовал таджикских писателей к тому, чтобы они отказались от обобщений. Крестьяне (дехкане), воспетые в стихах таджикских поэтов, ничем не отличаются от крестьян других стран. В них должны преобладать чисто специфические восточные черты. Однако Б. Ясенский не очень поддержал эту мысль. Он подчеркнул, что каждый народ Востока имеет свои неповторимые черты характера, нужно отбросить язык газетной публицистики, характеризовать и описывать каждого героя в зависимости от его специфического положения и достоинства.

Как отмечает А. Набиев, до сих пор не найдена стенограмма Первого съезда писателей Таджикистана [52,47], но имеющиеся источники подтверждают, что подготовка к этому очень значимому политическому событию активно велась на всех уровнях и на всех «фронтах». Это подтверждают материалы, напечатанные в журнале «Литература народов Средней Азии» [37,104], газетах «Тоҷикистони сурх» [15], «Коммунист Таджикистана» [66], журнале «БАС» [12].

19 апреля 1934 года Центральным КП(б) Таджикской ССР (за подписью Г.И. Бройдо) была утверждена Программа I съезда.

Программа собрания включала следующие вопросы:

1. Отчетный доклад Среднеазиатского бюро писателей.
2. Отчетный доклад тов. Носирова (председатель).
3. Литературный вечер, посвященный творчеству П. Сулаймони и Мунзима (докладчики К. Дайлами и Р. Хошими).
4. Вечер, посвященный творчеству Фирдоуси.
5. О языке художественной литературы и, в частности, таджикской литературы.
6. О положении в сборе фольклора (доклад Джаббари).
7. Отображение Таджикистана в русской литературе (доклад тов. Шкловского).
8. О таджикской драматургии.

9. Организация работы с молодыми писателями-литераторами.

Функционировало также Наблюдательное бюро в составе Б. Ясенского, А. Лахути и С. Айни, которое следило за работой правительственной комиссии.

Было предусмотрено проведение многих учебно-ознакомительных и культурно-просветительских мероприятий. Так, в дни работы съезда группы писателей ездили в горные и пограничные районы, в Вахшскую долину.

Гости, члены группы писателей из Москвы, организовали семинары для местных литераторов. Следует отметить, что перечень этих и других мероприятий, способствующих обучению, отдыху и творчеству писателей, был утвержден постановлением собрания Бюро ЦК КП(б) Таджикистана от 19 апреля за № 31 [26,588].

Работа первого съезда писателей Таджикистана стала великим собранием, в работе которого приняла участие целая плеяда известных гостей из других союзных республик.

Открытие съезда ознаменовалось поздравлениями и приветствиями представителей писательских бригад Союза писателей СССР и руководителей Таджикистана (Бройдо и Мухиддинов).

Накануне съезда из-за интриг группировщиков (Колими, Бектош) была наказана группа писателей и поэтов. Возможно, по этой причине и в связи с этими событиями во многих мероприятиях 30-х годов, в частности на съездах писателей Таджикистана и СССР, не фигурируют М. Турсунзаде, С. Улугзаде и Сарвар [63].

Съезд начался 10 мая в здании Дома офицеров. На съезд были приглашены 300 представителей со всех регионов Таджикистана и территорий других республик, населенных таджиками. Об этом даже свидетельствует состав Президиума съезда: Бройдо, Рахимбоев, Исмоилов, Лахути, Айни, Носиров - председатель оргбюро; Хидиров – начальник культпрома ЦК; Мельник – секретарь ЦК комсомола; Алексеев –

Среднеазиатский оргкомитет; Дехоти – Самарканд; Маджиди – Узбекистан; Рабии, Армен – Армения; Джурменов – Туркмения; Джолмирзоев – Казахстан; Поль Низан – Франция; Тохири – Педжикент; Сафаров – Гарм; Давлатшох – Памир; Давлят – Совпроф; Миршакар – Вахш; Махмудов, Туйгун, Музаффарова – Сталинабад; Юртаев и Фузайлов – Таджикполк; Хамди – Ташкент; Маликов – «Коммунист Таджикистана»; Дайлами – «Тоҷикистони сурх»; Туракулов – «Кизил Тоҷикистон».

На съезде в течение 3-х часов выступил А. Лахути с докладом «Для практической деятельности, для работы под руководством дисциплины» на русском и таджикском языках.

А.Лахути, отметив многие социально- политические задачи, стоящие перед писателями и поэтами, уделил особое внимание вопросам языка литературных произведений, технике и мастерству сочинительства, повышению творческого уровня и стиля художественной литературы, изучению исторического наследия.

Во второй день работы съезда делегатов приветствовали представители творческих союзов и культурных организаций Таджикистана, которые подчеркнули, что удовлетворены ходом работы съезда, так как он приступил к своей работе на основании правильного понимания природы творческой деятельности.

Доклад А. Рахимбоева, который выступил от имени ЦК КП(б) Таджикистана, призывал литераторов к решению проблем второй пятилетки. По мнению А.Рахимбоева, в Таджикистане возникла и постепенно развивается национальная по форме и социалистическая по содержанию культура. Для подтверждения сказанного он привел пример: «В 1929 году Таджикистан имел 9 художественных произведений, 16 печатных листов и 21000 томов литературы» [60]. В 1934 году только в первом квартале издано 59 тысяч печатных листов литературы. По данным источников и изданной

недавно книги А. Набави, в Таджикистане в 1934 году было почти 100 писателей, 46 из которых творили на таджикском языке [52,54].

А. Рахимбоев подверг резкой критике за неправильное руководство писателями Н. Махсума и А. Ходжибаева. По его мнению, появление статьи Б. Азизи «Козлодрание» («Бузкаши») и позже трудов Бектоша были результатом их неправильной политики. Старые руководители, по мнению А. Рахимбоева, «признавали политику насилия в отношении деятелей культуры» [60]. Подробности доклада и обсуждения делегатов съезда свидетельствуют о том, что каждое новоизданное произведение в Таджикистане подвергалось всестороннему обсуждению. В частности, это подтверждают острые реплики Бройдо о романе С. Айни «Рабы» («Гуломон»), изначально написанного на узбекском языке, о судьбе книги «Образцы таджикской литературы», написании истории Таджикистана и анализе событий с точки зрения того времени и др.

Основным докладом на съезде было выступление председателя организационного Комитета Союза писателей Таджикистана, С. Носирова, вступительная часть которого была созвучна тональности выступлений А. Лахути и А. Рахимбоева. Но далее он перешел исключительно к анализу литературной жизни республики, состоянию организации писателей и его членов. Поддержав П. Сулаймони, он подтвердил исключение из рядов союза «по приказу сверху» писателей старшего поколения – Мунзима, Сарвара и Муминзода, и открыто высказался о недостатках деятельности Комили и Бектоша.

От взгляда докладчика не скрылось и то, что допускается халатное отношение к собиранию классического наследия и старым книгам. С. Носиров проанализировал произведения молодых поэтов Т. Ализаде, М.Турсунзаде и поэта старшего поколения Сухайли, обвинил их в «халтурничестве».

Доклад С.Носирова имел серьезный резонанс и бурно обсуждался на съезде. Выступившие в прениях Исоев из Бауманобада, О. Исмати, Джарор, Гани Абдулло и Али Хуш из Сталинабада, Али Хусейни, представлявший газету «Тоҷикистони сурх», Р. Джалил из Худжанда, Юртаев, делегат из «Дома красноармейцев» предлагали свои пути выхода из создавшегося положения в сфере творчества. В то же время подверглись критике слабая работа организационного комитета с литераторами, ослабление связей с организациями и объединениями. Подвергшиеся критике писатели пообещали впредь «не допускать подобного рода ошибок в своей творческой деятельности».

В целом, осуждение доклада начальника отдела культуры Хидирова и отчетный доклад Носирова были обсуждены подробно и бескомпромиссно. Важно, на наш взгляд, отметить, принимая в свой адрес критику, писатели не согласились с некоторыми односторонними и несправедливыми критическими замечаниями. В определенной мере против обвинения Сухайли, Бектоша, Азизи и Мунзима были приняты прохладно, так как считать писателей виновными в хозяйственных неудачах ответственных лиц республики было по меньшей мере необоснованным. [26,593-595]. Труд писателя серьезно отличается от труда земледельца или кузнеца, и когда речь идет о повышении производительности труда необходимо учитывать специфику творческого труда.

На всех собраниях съезда, иногда очень эмоционально, а иногда очень взвешенно и аргументировано объектом обсуждения и споров становились две, на первый взгляд, частные, но на самом деле очень актуальные проблемы - язык художественных произведений и прекращение всякого рода групповщины.

Как было отмечено, в съезде участвовало много делегатов из Москвы, союзных республик. Практически все были очарованы республикой, ее

прекрасной природой, ее людьми, все эти впечатления нашли свое отражение в многочисленных стихах, зарисовках.

Виктор Шкловский сделал доклад на тему «Отображение Таджикистана в русской литературе». Обратив внимание на то, что упоминания о Таджикистане в русской литературе встречаются уже к XIII веку, он подчеркнул, что образ народа фактически создан на рубеже XIX-XX веков. Шкловский справедливо говорил о том, что не следует забывать главное: «О Таджикистане больше всех и лучше всех в первую очередь должны писать сами таджикские писатели» [26,590].

На съезде большое внимание было уделено воспитанию молодых кадров. Эту тему хорошо осветил М.Зинкевич в своем докладе «Организация работы с творческой молодежью». Рассказав о взаимоотношениях М. Горького с творческой молодежью, он заметил, что было бы полезно создать в Таджикистане совет взаимопомощи с непосредственным участием опытных писателей. По словам докладчика, М. Горький видел воспитание таланта в труде. По признанию самого Горького, он состоит из 5% таланта, а оставшееся писательское мастерство достается нелегким усидчивым трудом. Он подчеркивает, что «нужно усваивать технику писательского письма, для этого надо изучать литературу и знать жизнь, а учиться творчеству надо у самой жизни» [20,299].

В дни работы съезда проводилось много мероприятий, ожививших литературную жизнь Таджикистана. Так, в частности, А. Лахути, открывая торжественное собрание, посвященное 1000-летию Фирдоуси, рекомендовал «усилить обучение у этого гиганта художественного слога, знаменитого иранского поэта Фирдоуси». [35,210].

В своем выступлении А. Фитрат сравнил Фирдоуси с Лахути, в конце его речи все в один голос скандировали: «Да здравствует Лахути – Фирдоуси Советского Таджикистана».

В свою очередь Лахути, подняв с места С.Айни обратился к залу со словами: «Вот эта личность достойна наследия Фирдоуси. И среди вас вырастут много писателей, достойных этого времени. Изучайте богатое наследие Фирдоуси и не прекращайте ни на миг дело совершенствования писательского мастерства» [35,213].

А. Набиев в отдельной главе своей книги, посвященной становлению Союза писателей Таджикистана пишет, что и до начала, и в дни работы, и после съезда очень велик вклад первого секретаря ЦК КП(б) Таджикистана Г.И. Бройдо организацию и проведение этого исторического мероприятия.

Г.И. Бройдо был с участниками съезда и в дни его работы. Оценивая собрание писателей он, в частности, сказал: «Значение первого съезда писателей Таджикистана превышает нашего прошлого писательства. Это собрание, на самом деле, собрание наших культурных сил, собрание представителей культурного фронта, собрание, посредством которого была проверена правильность и действенность деятельности нового руководства» [52,58].

Союз писателей Таджикистана создавался с особым подъемом, с помпезного проведения первого учредительного съезда, однако далее наблюдается определенный застой. Было образовано центральное руководство Союза писателей Таджикистана, куда вошли Лахути, Айни, Расули, Носиров, Хидиров, Музафаров, Рабии, Махмудов, Икромии, Г. Абдулло, Дехоти, Р. Джалил, Р. Хошим, Миршакар, Тохири, Комили, Юртаев и Туйгун. Писатели Лахути, Айни, Носиров, Рахим Хошим, Рабии, Г. Абдулло, Рахим Джалил, Миршакар и Туйгун – были избраны делегатами всесоюзного съезда писателей.

Съезд также организовал советы и звенья для дальнейшего развития литературы. Так, согласно решению съезда при редакциях газет (под руководством Дайлами и Маликова), в государственном издательстве (руководитель Обиди и Рахимзаде), на курсах переподготовки учителей

(Улугзаде, Али Хуш и Муинзаде), на шелкопрядной фабрике (Икромии), в Доме касноармейцев (Юртаев), в таджикском полку (Каримзаде и Рахим Хошим), на хлопзаводе (О. Исмати), на фабрике (Бахлулзаде) были созданы литературные кружки. Бектошу, Улугзаде и Рахиму Хошиму было поручено проведение семинаров для писателей с целью изучения таджикско-персидской классической литературы, русской и западной литератур, анализа литературных течений и творчества отдельных писателей.

Таким образом, создание Союза писателей и проведение съезда писателей стали убедительным свидетельством того, что:

а) в Таджикистане к тому времени сложился достаточно высокий уровень организации серьезных мероприятий, благодаря которым народ достойно сохраняет и пропагандирует свое литературное наследие;

б) таджикский народ, обладал богатым творческим потенциалом, десятки и сотни талантливых юношей и девушек занимались литературным трудом и поднимали национальную культуру и литературу на новые высоты;

в) объединение писателей имело такое влияние, что могло своими силами обсудить и устранить имеющиеся объективные и субъективные недостатки;

г) в Таджикистане сохранились классические литературные течения, но базировались они на современной специфической школе, и эта школа - творчество крупнейших мастеров слова XX века Айни и Лахути;

Кадры решают всё

Как известно, основой художественного творчества является талант. Но не каждый талант может развиваться без воспитания. В первые годы после победы революции главенствовало это же мнение. В.И. Ленин в своей статье «Парторганизация и партийная литература» и М. Горький в своих многочисленных выступлениях отмечали заботу государства не только о молодых кадрах, но и о вполне состоявшихся писателях. Новейшая таджикская литература развивалась как неотъемлемая часть многонациональной советской литературы.

Точка зрения властей на развитие литературы была известной [61]. Таджикская литература делилась на две ветви: старая литература и современная. И, как бы парадоксально это ни звучало, обе характеризовались как вредоносные. Первая считалась литературой баев и феодалов, т.е. приспешницей двора, литературой религиозной, суфийской и несущей вредные идеи. Когда принимались те или иные решения и указания, всегда, в

том или ином виде, подразумевался данный факт. Не без причины было и то, что некоторые литераторы призывали своих коллег отречься от воспевания общегуманных идей человеколюбия и обратиться к реальной жизни:

Ба сар чохе кан, обе каш зи бахри манзилободи,
Хаёли осмонгарди макун, ош аз заминихост.

[65,2].

Вырой головой колодец, достань воды для домострога,
Брось мысли о космосе, хлеб (плов) у земледельцев!

Именно в целях осуществления этого призыва и упрочнения писательских рядов было принято решение сгруппироваться вокруг какой-либо организации. Таких обществ было немало, и каждое имело свое специфическое направление, которое оно всячески защищало.

Аналогичные организации существовали ранее в России и по идейным признакам имели большой разброс в сравнении с новыми направлениями в Средней Азии. Например, в 1921 году под руководством В. Брюсова в политехническом музее Москвы был проведен творческий вечер «Литературные школы и литературные течения», где выступили с докладами и стихами депутаты от неоклассиков, неоромантиков, футуристов, символистов, имажинистов, экспрессионистов [77,244].

Кроме того, в русской литературе, существовали школы и направления: Пролеткульт (Пролетарская культура), ОПОЯЗ (Организация, обучающая поэтическому языку), ЛЕФ (Левый фронт направления в искусстве), «Кузница» и другие. В литературной жизни узбеков до революции существовало научное литературно-языковедческое общество «Чигатой гурунги» [28] в деятельности которого, несмотря на то, что оно не имело четкого названия и направления, наблюдались признаки символистской, футуристической и формалистской риторики. Ни одного подобного течения

или объединения в литературной жизни таджиков 20-30-х годов не существовало. Причины этого следует искать социально-политической и культурной истории каждого народа и национальности Советского Союза.

Таджикское общество до революции находилось в докапиталистической ситуации и на пороге буржуазной революции. Новейшие литературные течения были ввергнуты в жестокое противостояние со старой литературой и в таком состоянии вошли в советское общество. Основной задачей было определить отношение литераторов к политике и новому строю. К сожалению, не все литераторы полностью понимали свое предназначение. Проявление этого состояния, а с другой стороны - шовинистическая позиция группы высокопоставленных партработников и советских чиновников, придававших Октябрьской революции «исключительно русский и рабочий характер», ни привлекая местный народ и интеллигенцию на протяжении долгого времени к революционной, партийной и государственной деятельности, сея в сердцах народа недоверие и неуверенность, тоже стали дополнительным поводом к этому [33,150-151].

Другой причиной позднего присоединения таджикских писателей к революции были пантюркистские происки, из-за которых до 1919 года, а фактически до 1924 года у таджикского народа не было даже своей прессы, своего издания. Этот факт можно назвать причиной молчания печати. Только в результате относительно справедливого решения национального вопроса в Средней Азии часть джаидов пришли на службу революции.

Несмотря на то, что таджикские писатели не всегда правильно понимали суть перемен, все же изменения в социальной жизни радовали их. Видя перемены в повседневной жизни, они сначала осторожно, а потом более смело присоединялись к революционным идеям. Это положение более заметно в среде так называемой старой интеллигенции. Конечно, естественно, что это «присоединение» происходило по мере понимания тем или иным интеллигентом этих идей в индивидуальном порядке. Они

смотрели на происходящее с точки зрения культурной революции и общенародной антифеодальной и антиколониальной позиции. Для полного понимания событий нужно было определенное время.

В этот период огромный вклад в изменение мышления писателей эпохи внес С.Айни. За свою трехлетнюю деятельность в журнале «Шуълаи инкилоб» (1919-1921) он в десятках статей и репортажах рассказал о преимуществах осознания новейших событий [39,48]. На службу революции пришли, преимущественно, относительно пожилые поэты, имевшие опыт литературной деятельности. Сам С.Айни был в первых рядах этой группы писателей. Часть из литераторов, поступив на службу в советские учреждения, на время поменяли литературный труд на административный (Сиддики, Джуръат, Туграл, Азизи и др.) [41,54-56], а такие поэты, как Джаъфари, Васли, Сарвар, Тамхид, Сулаймони, и вовсе на время замолчали.

В этой связи профессор Х. Мирзозода подчеркивает: «вторая группа, в прошлом, не только не хотела понять Октябрьскую революцию, но и не была готова не только принять идеи джадидов, но и саму их литературу» [45,140].

Обе эти группы потеряли своих читателей, их творчество было не по вкусу читателям новой эпохи. В красноречии и словотворчестве возникли идейные издержки, и поэты не всегда осознавали происходящие события. Другими словами, и писатели, и читатели «отстали» от жизни. Отсутствие реальной стабильности, наличие разного рода неурядиц, идейные шатания в среде не только поэтов и писателей, но и творческих личностей в целом, породили колебания, недоверие и отчуждение. Ярким примером, свидетельствующим о состоянии дел в тот переломный период, может служить стихотворение Фахриддина Роджи, не обладающее большой художественной ценностью, однако очень точно обрисовывающее исторический момент:

Доман аз лавсу дунят пок кардан бехтар аст,

Як шудан дар чомаи миллат чамоли зевар аст.
Тули омоле, ки мебозад бисоти мардро,
Зури бозуи тафаккур як калам бозингар аст...
Хун машав, эй дил, бахори шоду хурсанди расид,
Офтоби хуррият имруз дар карруфар аст.
Гах зи килу кол дар фарёд меоём, магар
Хомуши имруз дар бунёди ман гуши кар аст.
[86].

Очистить подол от грязи и нечисти – благо!
Влиться в халат народа есть образец красоты.
Ширь поступков обогащают состояние мужчин,
И под натиском мышц разума перо лишь игрушка.
Не кровись, о сердце, настала весна радости и благополучия
Сегодня солнце свободы торжествует вовсю.
Если от разговоров и мы кричим вовсю,
Молчание сегодня в моем существе абсолютно глухо.

Но несмотря, на данные призывы и приглашения, группа писателей предпочитала молчание. Те, кто сотрудничал с журналом «Шуълаи инкилоб» в связи с отсутствием прессы на таджикском языке, присоединились к замолчавшим.

Другая часть писателей, поэтов, журналистов и корреспондентов, умевших писать и творить на узбекском языке, присоединились к науке и печати узбеков или поступили на службу в узбекские газеты и журналы. По этому поводу Х. Мирзозода констатирует: «Некоторые из них, такие как Айни и Зехни, своими стихами, учебниками и научно-литературными трудами, написанными на узбекском языке, присоединились к узбекской советской литературе и науке. Замолчавшая группа литераторов, которые составляли большинство, не стали сотрудничать с националистами, но от

страха не стали и бороться с ними. Не стали бороться и за объявленное советским правительством право на национальное самоопределение, за свой народ во время великой социалистической революции, национальную свободу народа, ни сказав ни слова против национальной несправедливости, введившей народ в заблуждение (кроме нескольких человек – Саттори, Расули, Айни, Исмоилзаде, Ализаде и др.), не востребовали своего права, права своего народа, испугавшись преследования разбойников-националистов» [43,135].

Поэты П. Сулаймони, А. Кошони, Аккос поняли и приняли все на свой лад и допустили серьезные ошибки. Их произведения тех лет отражали противоречивые события, что подчеркнуто в исследованиях Х. Мирзозаде, М. Раджаби и А. Набиева. Однако и в суждениях исследователей также наблюдается некая двусмысленность. Например, из высказывания М. Раджаби можно констатировать, что «такое молчание превыше того, чем восхвалять Революцию и быть ее поэтом» [62,47].

Эта суждение, как мы считаем, не совсем верно. Ведь до того, как новое правительство объявило войну элементам капиталистической торговли и промышленности, многие «влюбленные» поэты потерялись и впали в депрессию и отчаяние.

Стихи Пайрава Сулаймони изучаемого периода являются достаточно весомым подтверждением тому. Поэты и писатели, впавшие в неуверенность и не найдя выхода из пропасти, частично бежали из родины. Естественно, не все они остались до конца в неведении. Например, эмиграция П. Сулаймони в Иран и его непосредственный сравнительный анализ двух систем показали превосходство советского строя, преимущество жизни народов страны в сравнении с жизнью за рубежом, в частности в Иране.

Другая группа, поддавшись идеям национализма, присоединилась к движению националистов.

В декабре 1924 года Исполнительное бюро КП(б) Узбекистана в Таджикистане преобразовало газету «Овози тоҷик» в орган Таджикского бюро партии и революционного комитета Таджикской АССР [26,547] и призвало всю интеллигенцию, «взяв в руки перо, превратить Таджикистан в цветущий сад» [26,548].

16 мая 1925 года Организационное бюро секретариата КП(б) Узбекистана в Таджикистане из-за несвоевременной доставки газеты «Овози тоҷик» приступила к изданию газеты «Бедории тоҷик». Перед ответственными лицами за идеологическую агитацию и пропаганду Секретариата - Медведевым и Исмоилзаде была поставлена задача наладить в издании публикацию материалов, правдиво отражающих действительность.

Все это не могло не повлиять на культурную жизнь страны. Многие литераторы, придя в себя и сблизившись с жизнью народа, стали проповедниками нового образа жизни.

«В 20-е годы, - пишет Х. Мирзозода, - в Таджикистане, до образования общества пролетарских писателей, не было специального литературного общества. Но история литературной деятельности Узбекистана и Таджикистана показала, что для создания литературных обществ были приложены несколько попыток. Первая попытка отмечена в 1922 году в Самарканде, где было проведено собрание поэтов для объединения всех литературных сил» [43,140].

Соответствующую информацию и факты с цифрами мы видим в статье Х. Муьина в узбекской газете «Зарафшон». В 1922 году всех поэтов и поклонников изящного слова сплотил вокруг своего «Общества поэтов» первый редактор газеты «Овози тоҷик» Абдулкаюм Курбии Самарканди, который и сам сочинял стихи. Общество имело свой Устав и, многократно собираясь, обсуждало злободневные проблемы. Это была своего рода попытка собрать в одном месте таджикоязычных поэтов и писателей Самарканда.

На собраниях и встречах члены общества читали на таджикском языке стихи, обсуждали их художественные достоинства, красоту и звучность стихов, мастерство поэтов. Конечно, не все писатели и поэты стали членами объединения из чистых побуждений, некоторые были сторонниками всевозможных пантюристских организаций и писали на узбекском языке.

В психологическом плане таджикские поэты были настолько подавлены, что ими овладела неуверенность, удивление, удрученность и пессимизм. Живой свидетель тех событий С. Айни вспоминает: «Таджикские писатели, занимавшиеся литературой всю жизнь, разочаровавшись в своей профессии и своем деле, отмаявшись во всем, предали забвению, практически следуя мотиву «тот родник просвещения, который ты знал, усох» [9,4].

В конце 20-х - начале 30-х годов Советский Союз вступил в новую стадию развития, народ под руководством коммунистической партии с воодушевлением приступил к строительству социалистического общества. В Таджикистане намечалась последняя стадия борьбы с классовыми врагами и уничтожения элементов собственничества, в результате чего обострилась идейная классовая борьба. Особое внимание партии и правительства было направлено на отражение этой борьбы в литературе.

В первые годы НЭПа, как было отмечено выше, была сильна буржуазная идеология. Для укрепления писательских рядов следовало создать литературную организацию, подчиняющуюся коммунистической партии. В России существовала такая организация под названием РАПП – Российская ассоциация пролетарских писателей, основанная в 1925 году. Ее членами были известные советские поэты и писатели В. Маяковский, А. Фадеев, Ф. Бондереv, М. Шолохов, С. Серафимович и другие.

Состояние культуры и искусства в Средней Азии было взаимосвязано с отсталостью экономики, и в этой связи литературные организации здесь появились позднее. Но молодежь под чутким руководством С.Айни и

революционного поэта Лахути уже успела оставить свой след. С.Айни, сравнив прошлое и будущее народа, призвал различные поколения литераторов на службу новому строю: «При Советском правительстве положение совершенно другое: каждый поэт и писатель в соответствии со своими знаниями, эрудицией и талантом будет вознагражден. Если бы таджикские писатели или молодежь, стремящаяся к усвоению литературы, не были бы в неведении, то знали бы, что в советскую эпоху все классы, включая класс писателей и редакторов, не живут безмятежно» [9,8].

С. Айни, отмечая униженность и бесправие даже знаменитых поэтов прошлого, считает их ничтожными людьми при дворе. «А теперь поэт творит в полной свободе и без всякого принуждения, он и литература свободны». С.Айни особо отмечает, как и все старшее поколение, «обязательную оплату труда» и взаимосвязанность власти с неимущим народом, но, прежде всего, видит задачу поэта в честном служении Родине и народу.

Естественно, что эта статья писателя имела пропагандистский характер. Но сутью статьи следует считать мысль об обязательном привлечении старых литературных кадров к работе. Если они истинные интеллигенты, любящие свой народ, свою родину, то приложат все свое умение и мастерство ради претворения в жизнь чаяний народа и осуществления его заветной мечты.

Состояние художественной литературы и пути ее развития нашли отражение в резолюции ЦК КП(б) «Политика партии в области художественной литературы» от 18 июня 1925 года. Как обычно, это решение большое внимание уделяло классовой борьбе и ее воссозданию в литературе. Отмечалось, что новые литературные кадры привлекались в литературу путем пролетарской идеологии мышления.

В решении ЦК большое внимание уделялось проблеме «попутчиков». Партии необходимо было выработать в отношении «попутчиков» концепцию

«осторожного подхода к взаимоотношениям и безвредного поведения сторон».

Первый съезд интеллигенции Узбекистана (1926) обсудил задачи дальнейшего развития культурной революции, идейное воспитание интеллигенции и борьбы с внешним национализмом.

Некоторых националистов, таких как Мунаввар Кори, Чулпан и Вадуд Махмуди, открыто осудили, но они, не согласившись с критикой, под псевдонимом «Овсар» написали совместную статью в «Ийгинди чаплар», где пустозвонной болтовней всячески отрицали все выдвинутые факты [49,23]. Националистические взгляды Мухиддина Кози, Чулпана, Фитрата и Вадуда Махмуди были осуждены и на втором съезде интеллигенции Узбекистана. Вообще, великонароднические настроения были очень сильны в литературе и искусстве Узбекистана. Но писатели Хамза Хакимзода Ниези, Садриддин Айни, Ойбек, Хомид Олимджон и Гафур Гулом вели бескомпромиссную борьбу с такого рода поползновениями [82].

В целом антисоветские идеи отдельных поэтов, полемика и споры таджикской литературной критики начались в 1930 году «с влиянием левизны и ошибок организаций АПП». Эта деятельность проявлялась в признании или отрицании отдельными поэтами собственных ошибок (например, Фитрат), а иногда открытой левизной и национализмом [13]. Борьба, самокритика, левизна в большинстве своем выливались на страницы печати.

В данном случае следует особо отметить сотрудничество таджикских и узбекских периодических изданий. В результате «идеологической борьбы коммунистической партии» [43,147] и осознания целей Советской власти многие литераторы, подвергшиеся воздействию пантюркизма, вновь вернулись на службу литературе и печати советского Таджикистана. Это были Джавхари, Сиддики, Тамхид, Пинадуз, Азизи, Муминзода, Ноил Шерзода и другие. Поэт неповец Пайрав Сулаймони (с 1924 года) и

пантюкист Фитрат (с 1927 года) обратились к новым формам литературы, и в конце 1927 года Фитрат написал пьесу на таджикском языке «Восстание Восе» о борьбе таджикского народа с Бухарским эмиром.

Постепенно группа литераторов, известных как «попутчики», осознали справедливость и гуманность целей и задач новой власти. Другая группа писателей (Сухайли, М. Аминзода, М. Рахими и другие) сделали первые шаги в таджикской литературе, но все же ощущалось, что в целом литературе не хватает писательских сил для уверенного поступательного движения вперед. Компартия делала все возможное (правда, по-своему) для привлечения «здоровых сил» (певцов советского строя). Все эти меры послужили фактором зарождения новой традиции. Пресса ввела литературные странички, которые приумножились в 30-е годы. Изначально такого рода странички появились в узбекоязычных изданиях, где под общими заголовками литстраниц появлялись подзаголовки или рубрики типа «Секция таджикоязычного «Красного карандаша» (известно, что она была учреждена при узбекской редакции литературного общества «Кизил калам»).

Коммунистическая партия всеми возможными методами и путями старалась указать «правильный путь», призывая литераторов служению своим идеалам. Специальный указ ЦК от 23 апреля 1932 года осудил деятельность АПП (Ассоциация пролетарских писателей), посчитав создание Союза писателей особо важным делом. Сами писатели, понимая серьезность своей деятельности, шли другими путями. Они приглашали левоуклонистические АПП к совместной творческой деятельности. В этом плане очень интересна переписка между Айни и Лахути, Джавхари и Айни, Лахути и Джавхари, Лахути и Фитратом. Из этих взаимоотношений достойна внимания переписка Лахути и Фитрата. В 1937 году из Москвы в Ташкент профессору Фитрату от Лухути было отправлено письмо. В ответ Фитрат написал следующее: «Дорогой друг, устод Лахути!

Дишаб зи ту чонбахш паёме гирифтем,
Аз зиндаги ин буд хама коме, ки гирифтем.
Сад шур бияфканд ба магзи дили ушшок
Аз суи ту ин чуръаву чоме, ки гирифтем.
Тавке шуду гардани мо монд саломат,
Мо бандаи он тоза саломе, ки гирифтем!

[43,160].

Прошлой ночью получил от тебя жизнеутверждающее письмо,
Это было то желанное, что жизнь могла преподнести нам.
Сотни раз в смятенье отбросил из влюбленного сердца,
Этот глоток из кубка, поданного с твоей стороны.
Став арканом, пощадил он нашу шею.
Я раб твоего нового приветствия, полученного мной только что.

Х. Мирзозаде утверждает, что Лахути, получив ответ в Кисловодске, добавил к нему 8 бейтов (двустихий). Однако затем он признался, что попал в трудное положение и не может более укладываться в эту рифму, посоветовав Фитрату продолжить этот вид творчества. Лахути, будучи опытным мастером стихосложения, желал, чтобы те поэты, которые еще не определили свои поэтические идеалы, возвратятся воспеванию идеалов дружбы и свободы. Подтверждением тому служат последние строки из 8-и добавленных бейтов к стихам Фитрата:

Дар Фитрати мо гайри вафо чизи дигаре нест,
Дар дахр хамин буд, макоме, ки гирифем.

[12,51].

В нашем Фитрате нет ничего, кроме преданности,
И это предопределено судьбой и то, что имеем.

Такого рода поэтическая переписка свидетельствует о том, что опытные писатели всеми способами стимулировали молодых талантливых поэтов, по какой либо причине отошедших от литературного творчества. Вот почему ряды «возвратившихся» поэтов и новых талантов из года в год росли, и они постепенно подключались к настоящей творческой работе.

После создания Оргбюро АПП Таджикистана (январь 1931г.) положение в литературной жизни не улучшилось. Некоторые писатели не понимали политику партии. Коммунистическая партия тоже не предлагала силовыми методами вводить писателей в круг пролетарской литературы [53,11].

В Самарканде действовала таджикскоязычная секция литераторов «Калами сурх». По ходатайству активных членов секции писатели Ш. Садрулин, Н. Фахри, С. Айни, Т.Зехни, О.Исмат, Али Исмоилзаде, Каримзаде, Бурханов, Ц.Бону, С. Исмоилзаде, М. Аминзаде, Ваххоб Шакури, Пирмухаммадзаде, Нурмухаммедзаде, Ализаде, Х. Бакозаде, Я. Калонтаров, Маъруф Акрами, Пинхас, Алихуш и другие, вновь приступили к активной деятельности.

В деле подготовки и воспитания молодых писательских кадров очень помог указ ЦК ВКП(б) от апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций», но не уменьшил опасности сбора и встречи литераторов на литературных вечерах [27,147].

В связи с указанным решением ЦК Среднеазиатское бюро компартии в мае месяце того же года принял свое постановление о воспитании творческих кадров и объединения их в один союз указом «О перестройке литературно-художественных организаций Средней Азии». ЦК ВП(б) Таджикистана принял резолюцию «О перестройке литературно-художественных организаций и создании (учреждении) Союза писателей Таджикистана»,

который оказал неоценимую помощь в развитии таджикской литературы [26,147].

Литературная организация с особым энтузиазмом приступила к претворению в жизнь поставленных задач партии и правительства в жизнь. Писатели приступили к активному воплощению партийных идей в литературу. С. Айни подчеркивал: «Историческое решение ЦК ВКП(б) объединило всех целеустремленных писателей, всех тех, кто любит свою Родину. Союз дает равные права всем писателям, вышедшим из народа» [15].

В печати того времени было много статей, комментирующих и разъясняющих принятые решения и указы ЦК. Часть этих статей принадлежали перу Г. Ализаде. Абдухолик Набиев назвал стиль их подачи «прокурорским» [53,22] М.Раджаби ставит под сомнение сроки образования и проведения съезда и собраний Союза. [62,92]. Возможно, в тогдашней деятельности партии и организационных комитетов Союза писателей существовали недостатки, а главное – опасения за свою судьбу, и это другой вопрос. Задачей этой части работы является рассмотрение тех условий, которые были созданы для воспитания литературных кадров. В принципе, личная жизнь писателей, как нам кажется, в данном случае не главное. Сюда же можно отнести и полемику С.Ш.Табарова [70].

Под руководством Компартии созданный Союз писателей Таджикистана начал свою работу по пропаганде литературных произведений. В газетах «Тоҷикистони сурх» и «Чавонони Тоҷикистон» были организованы литературные странички. В Душанбе, Ходженте, на строительстве Вахша и других ударных стройках республики были образованы литературные кружки и общества [37,25]. В 1932 году вышел печатный орган Союза писателей «БАС» («За социалистическую литературу»), куда привлекались все новые и новые творческие кадры. Результатом этих мероприятий можно назвать издание альманаха «Тухфа»

(«Дар»), тиражом в 3000 экземпляров. В альманахе, посвященном 10-летию Таджикистана, были помещены отрывки из лучших произведений С.Айни, А. Лахути, Б. Ясенского и других.

Литература 30-х годов развивалась в условиях жесткой революционной борьбы. Как сторонники старых идей (буржуазных в лице Камоли и др.), так и сторонники пролетарской литературы (О. Исмати и др.) всячески старались доказать правоту своих представлений о задачах литературы и ее кадров.

Решением собрания Бюро ЦК ПК(б) Таджикистан от января 1935 года начали издаваться газеты «Тоҷикистони сурх», «Коммунист Таджикистана», «Кизил Тоҷикистон», «Комсомоли Тоҷикистон», «Пионери Тоҷикистон» (одноименный вариант на русском языке), «Аскарӣ сурх»; журналы «Инкилоби мадани», «Бо роҳи ленини» (женский журнал); 27 районных газет [26,598]. Каждое из этих изданий активно привлекало к сотрудничеству молодые литературные кадры.

С 10 по 18 мая 1931 года прошел первый съезд Союза писателей Таджикистана, на котором помимо общетворческих задач рассматривались задачи «Организации работы с молодыми писателями» (доклад представителя бригады из Москвы). Уже тогда в Таджикистане работали 100 писателей, 46 из которых имели опубликованные произведения, написанные на таджикском языке [53].

В августе 1931 года в Москве состоялся 1-й всесоюзный съезд писателей. Таджикистан представляли С. Айни, А. Лахути, С. Носиров, Р. Хошим, Г. Абдулло, Р. Джалил, М. Миршакар и другие.

Литературное обучение кадров получило систематический характер. Особенно много изучалась русская литература, в частности творчество М. Горького и В. Маяковского. Таджикские писатели А. Дехоти, М. Рахими, Сухайли и Ф. Ниёзи особо отмечали влияние творчества М. Горького: «Мы, таджикские писатели, учимся у Горького творческому мастерству, огромной художественной правде, пониманию человеческих характеров, глубины

действительности, бесконечной преданности социалистической родине, любви ко всем трудящимся мира и бесконечному презрению к врагам» [15]. Эту мысль молодых писателей неоднократно подчеркивал и С. Айни [57].

В становлении и развитии таджикской литературы и творческих успехах таджикских писателей немаловажную роль сыграла поэзия В. Маяковского. Это можно увидеть на примере творчества Пайрава Сулаймони и безвременно погибшего поэта Хабиба Юсуфи.

Естественно, благотворное влияние на таджикскую литературу оказали переводы всемирно известных произведений мировой литературы, прежде всего русской. Например, в 30 годы были переведены и напечатаны произведения Горького «Мать», «Детство» и «В людях», «Мятеж» Фурманова, «Железный поток» Серафимовича, «Разгром» Фадеева, отрывки из произведений Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого, Чехова, «Отелло» Шекспира, «Овечий источник» Лопе де Вега, «Овод» Войнич и т.д.

В то же время Таджикистан и его проблемы все больше и больше привлекали внимание разноязычных писателей. Например, П. Лукницкий написал о впечатлениях своей поездки в Таджикистан «Путешествие на Памир» (позже роман «Нисо»), Б. Юткевич - «У ворот Индии», Б. Лапин - «Подснежник Сталинабада», В. Луговской - поэму «Дангара», а роман Б. Ясенского «Человек меняет кожу» воспринимался как великая школа открытия действительности, сотворенная волшебством пера писателя-исследователя.

Конечно, в исследуемые годы несравненной школой литературного мастерства была школа С. Айни. Его творчество является примером борьбы и победы для угнетенных народов Востока, потому что основным героем его произведений был сам народ. С. Айни наряду с прозой и поэзией, существенное внимание и интерес проявлял к публицистике. Без преувеличения, его публицистические произведения «Колхоз коммунизма» (1933), «Старая школа» (1935), «Историческое торжество» («Чашни

таърихи») (1939) можно назвать образцами публицистического воссоздания социально—политических изменений в республике.

Если в зарождении и становлении прозы мы считаем С. Айни наставником нового поколения писателей, то в поэзии эту роль играет певец революции Лахути. Следует отметить, что Лахути не ограничивался в тематике своей поэзии внутренними событиями, но и уделял большое внимание жизни народов СССР, борьбе мирового сообщества за социальную справедливость. Еще в 30-е годы он не сомневался в непременном крахе зарождающего фашизма. Поэма «Мы победим», письмо председателя правления издательства «Госиздат» А.Б. Холстова М. Горькому (во время пребывания в Сорренто) и ответ М. Горького Холстову очевидное подтверждение этого [26,156].

Пик творчества Пайрава приходится на 30-е годы. Особенно интересно его уважительное отношение к событиям, происходящим в Средней Азии, и их связи с процессами в мире. Его творчество в данный период, в частности поэмы «Милитаристам Японии», «Кровавый трон» («Тахти хунин»), «Башня смерти» («Манораи марг») красочно и проникновенно рассказывают о прошлом таджикского народа и его созидательной жизни в изучаемые годы.

Все вышеперечисленные примеры явились поводом для появления на литературном поприще новых писательских имен. Талантливые молодые поэты и прозаики М. Турсунзаде, М. Миршакар, Р. Джалил, А. Дехоти, С. Улугзаде, Х. Юсуфи, Х. Карим, Г. Абдулло и многие другие предпринимают первые шаги в деле художественного отражения грандиозных преобразований в Таджикистане.

Таким образом, можно констатировать, что 30-е годы особенно важны в истории развития и становления новой таджикской литературы, культурной жизни народа, воспитании талантливых литературных кадров. Исходя из этого, подведем некоторые итоги:

1. Первые пятилетки развития социалистического строя не прошли без влияния на процессы в науке, культуре и современной таджикской литературе. Создание десятка объединений, проведение литературных собраний, образование новых творческих организаций стимулировали появление нового литературного поколения.

2. Творчество писателей, поэтов, драматургов Таджикистана было многогранным. Таджикские художники слова писали практически обо всем, что происходило в мире, соотносили важнейшие мировые процессы с жизнью таджикского народа. В процессе отражения достижений республики, борьбы народов планеты за мир, дружбу таджикская литература шла вперед и постепенно совершенствовалась, обретая свои неповторимые черты.

3. Агитация и пропаганда идей и планов партии оказали большое влияние на литераторов Таджикистана, как и на весь советский народ. Изучив творчество писателей тех лет, можно сказать, что партия влияла на весь творческий процесс и даже выбирала направление развития.

Несмотря на это, весомый вклад и поддержка советского правительства и коммунистической партии виден во всех отраслях науки, культуры, литературы и искусства. Печать 30-х годов в тесной связке с партийными органами, правительством и творческими работниками смогла создать литературно-культурную среду, в которой зародилась, новая литература и воспитывались новые кадры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Печать отображая во все времена исторические, культурные и политические события, является организатором общественной жизни. Без прессы общество не может идти вперед и развиваться. В каждую историческую эпоху печать отображала общественно-политическую обстановку эпохи, отображала разнообразие мнений и представляла новые взгляды, в особенности в начале XX века, когда происходили судьбоносные события для таджикского народа. Победа Октябрьской революции была предопределяющей в летописи таджикского народа. Именно благодаря ей наш народ получил государственность и встал на путь бесповоротного политического, экономического и культурного развития. Волей судьбы Таджикистан вошел в новый мир, новую идеологию, эпоху социализма.

Наряду с этим, в нашей стране возникла журналистика, которая как зеркало отразила все процессы общества, судьбу народа, экономическое и культурное развитие страны.

20-е годы были периодом ее становления, однако, несмотря на это, она стала главным и, наверное, самым действенным стимулятором возрождения нации и её культуры, а в 30-е годы фактически знаменем культурной революции.

30-е годы прошлого столетия для таджикского народа были судьбоносными, важным этапом в культурно – экономическом развитии ее жизни. До этой поры таджикский народ, в основном, был неграмотным, а многие из тех, кто владел грамотой, в лице духовенства, были объявлены лидерами революции врагами народа. Поэтому Советское правительство, ЦК ВКП(б), ЦК КП(б) и ЦИК Таджикистана приложили все усилия для того, чтобы народ, овладев грамотой, осознал преимущества социалистического строя и целенаправленно развивался. В достижении этой цели журналистика Советского Таджикистана на практике решала организационные задачи.

Печать 30-х годов серьезно занялась воплощением в жизнь указаний партии и правительства в решении задач культурной революции.

Особенностью исследуемого периода является то, что после образования в 1929 году Таджикской ССР, её печать, отделившись от системы печати Узбекистана, обрела независимость и теперь целенаправленно публиковала материалы, посвященные Таджикистану.

Следует отметить, что во время автономии не было относительной независимости даже в проблеме языка и выбора алфавита. И в этой связи мы убеждены, что смена алфавита в Таджикистане была связана с относительной независимостью страны.

Сутью культурной революции в Таджикистане, в первую очередь, являлась ликвидация неграмотности. Кроме того, целью культурной революции было обеспечение первичной грамотности, т.е. умения читать и писать. Ликвидация неграмотности народа в тот исторический период сам по себе было революцией.

Партия и правительство сумели умело воспользоваться мощным механизмом периодической печати. В короткий срок партия и правительство приняли законы и указы, способствующие организации и развитию периодической печати. В частности постановления ЦК КП(б) и ЦИК СНК Тадж. ССР «О создании сети газет в связи с ликвидацией округов», (11 августа 1930г.), «О партийно-массовой работе в зоне деятельности МТС» (16 октября 1930), «О кадрах партийной работы» (11 ноября 1930), «О работе газет кишлачного радио и низовых печатных органах» (18 января 1931), «Об улучшении работы районных газет» и т.д., содействовали появлению в стране разнообразных печатных изданий. Кроме того, ряд документов определяли конкретные задачи органов печати.

В 30-е годы было создано много газет и журналов, пропагандирующих идеи культурной революции, и, что особенно важно, они вносили весомый вклад в дело их реализации. Именно печать признана в народе основным инструментом пропаганды культурной революции и средством обучения. Газеты и журналы использовались вместо книг и учебных пособий.

Создание газет «Тоҷикистони сурх», «Кизил Тоҷикистон», «Коммунист Таджикистана», «Саводи мехнат», «Роҳнамои муҳбирон», «Комсомоли Тоҷикистон», «Барои коллективи», «Барои маорифи коммунисти», «Барои коллективи ва камсаводон», «Васияти Ленин», «Дехкони камбагал» и журналов «Инкилоби мадани», «Революцияи мадани», «БАС», «Коркуни партияви», «Ба ёрии коркунони партияви», «Калтак», «Бо роҳи ленини», «Мақтаби совети», «Октябр», «Мушфики» и т.д. оказали благоприятное воздействие на всех фронтах культурной революции и были верными помощниками партии и правительства в деле решения несущих проблем дня. В осуществлении борьбы с неграмотностью и полной ее ликвидации решающую роль сыграли постановления, решения, указы, законы и положения партийных органов и правительства страны.

На основании постановления 2 съезда КП Таджикистана (1934) ЦК КП Таджикистана и правительства республики печать, в частности правительственные и молодежные издания, объявили культурный поход в честь 2 съезда Компартии Таджикистана. Для руководства походом была создана специальная комиссия. Всем организациям и объединениям было рекомендовано принять участие и внести свой вклад в это политически важное мероприятие. Большинство организаций, объединений, вузов, педагогических техникумов и различного рода курсов изъявили активное желание участвовать и внести свою лепту, выделив целую армию «бойцов культурного фронта». Например, для обучения грамоте и борьбы с неграмотностью среди масс Совет профсоюзов выделили 10000 человек, Наркомпрос (штаб похода)- 2630 человек. Практически руководство работой похода было возложено на прессу.

На основании постановления 2 съезда КПТ, ЦИК, ЦК ЛКСМ, Совета профсоюзов, НКП от 30 сентября 1934 года было принято обращение «Всем трудящимся Таджикистана и работникам культурной сферы». Целью обращения была помощь грамотной молодёжи в усилении дела борьбы с

неграмотностью. Обращение было принято с воодушевлением служащими, учащимися и преподавателями. С другой стороны, обращение было напечатано в большинстве республиканских, областных и районных газет. Культурный поход был проведен почти во всех городах и районах республики. В 1934 году культурный поход был проведен в Сталинабаде, Ленинабаде, Уратюбе, Исфаре, Шахритусе, Пенджикенте и др. Тысячи неграмотных трудящихся были привлечены в школы ликвидации безграмотности. В школы были привлечены такие жители кишлаков и районов Каратегина, Гарма, Вахша и Кокташа.

Совет Народных Комиссаров Тадж. ССР 3 марта 1936 года принял постановление «О положении и задачах борьбы с неграмотностью и малограмотностью в Таджикской ССР».

Наркомпрос Тадж. ССР на основании постановления Совета Народных Комиссаров Тадж. ССР от 16 мая 1936 года «О привлечении к работе по борьбе с неграмотностью и командировании в кишлаки учащихся вузов» принял решение об их командировании во время каникул на 3 месяца в районы.

Для исполнения решений и указов правительства по ликвидации безграмотности в горные районы Каратегина и Вахша была командирована молодежь. В этом важном деле особо отличились партийные и советские органы, районные и городские комсомольские организации северных регионов Таджикистана. Из всех регионов были призваны 286 культурмейцев, в том числе из Ленинабада - 120 человек, из Канибадама - 60 человек, из Исфары - 20 человек, Уратюбе - 40 человек, из Нава - 15, Пенджикента - 20 и Пролетара - 10 человек [15]. Вся молодежь, комсомольцы-культурмейцы, были направлены в южные горные районы Таджикистана: Гарм, Тавильдару, Ховалинг, Шурабад, Калъаи Хумб и Ванч. В комиссариате народного образования и ЦК ЛКСМ приходили десятки –

сотни писем, где комсомольцы изъявляли желание принять участие и сделать свой вклад в дело обучения грамоте народа южных горных районов.

Организатором этого дела была пресса. В ней издавались обращения, печатались отчёты о проделанной работе, в репортажах показывался ход работ, при посредничестве прессы организовывались соревнования.

Гани Абдулло, один из активных комсомолец 30-х годов, в своём заявлении, напечатанном в «Коммунисте Таджикистана», пишет: «От всей души хочу участвовать в идеологической борьбе за грамотность. Я не пожалею никаких своих сил и желаний на пути ликвидации неграмотности. Я решил поехать на определенный срок в какой-нибудь колхоз. Принимаю на себя следующие обязательства: усилить культурно-массовую работу, обучить колхозников грамоте, организовать выпуск стенгазеты и организовать чтение газет и книг. Прошу Вас принять меня в ряды культурмейцев» [64]. Письма с таким содержанием десятками поступали в редакции газет, которые своевременно печатались.

В начале 30-х годов группа писателей, таких как Мирсаид Миршакар, Гани Абдулло и другие направилась в Вахшскую долину. В результате этой поездки повелись цикл стихов М. Миршакара, пьесы и драмы Г. Абдулло, рассказывающие читателю о Вахше и о героизме покорителей долины.

Журналисты ясно осознавали, что задачи просвещения и организация школ являются первостепенными. Партийные и советские органы Таджикистана создавали условия для перехода на обязательное всеобщее начальное образование. Переход должен был служить подтверждением расцвета и победы культурной революции в Таджикистане. По всей стране предпринимались специальные меры для перехода на обязательное всеобщее начальное образование.

ЦИК и СНК СССР 14 августа 1930 года принял решение «Об обязательном всеобщем образовании». В решении указывалось, что в 1930-31 учебном году вводится обязательное обучение девочек и мальчиков в

возрасте 8, 9, 10 лет в объеме четырех классов начальной школы, а также вводится 7-летнее обучение.

Правительство Таджикистана на основании решения ЦК ВКП(б), ЦИК и СНК СССР от 11 октября 1930 года приняло декрет о введении обязательного общего обучения для детей. На основании этого декрета все дети в возрасте от 11 до 15 лет, не имеющие обязательного общего образования, должны были получить. Правительство создавало все условия для детей. Начальным школам оказывалась всесторонняя помощь, и они в первую очередь обеспечивались всеми необходимыми школьными принадлежностями.

В конце I-ой пятилетки было создано много начальных школ и практически все дети были привлечены к обучению. Затем, в начале и конце II-ой пятилетки, увеличилась сеть школ с 7-летним образованием, в которых обучались дети трудящихся, что свидетельствовало о претворении в жизнь политики партии в отношении культурной революции.

Борьба с неграмотностью из года в год усиливалась, находя свое отражение в печати, и все сильнее принимала политическую окраску. Газеты писали, что «1934 год превратится в год ожесточенной борьбы за общее обучение взрослого населения грамоте» [67]. Для реализации этого грандиозного плана требовалось увеличение курсов и школ для борьбы с неграмотностью, нужны были книги и инструкции, школьные принадлежности, чего так остро не хватало в республике. В школах и на курсах ликвидации безграмотности вместо школьных принадлежностей и книг использовались газеты и журналы. Газеты «Васияти Ленин», «Барои коллективи», «Барои маорифи коммунисти», журналы «Бо рохи ленини», «Октябрь», «Инкилоби мадани», «Революцияи мадани» служили учебным материалом и внесли свой вклад в дело борьбы с неграмотностью. К примеру, газета «Барои коллективи» использовалась вместо учебников и была доступна учащимся школ борьбы с неграмотностью. Газета служила

преподавателям и культурмейцам в качестве методической инструкции по обучению. В 1933 году ее тираж достиг 15000 экземпляров.

Спецкурсы ликвидации безграмотности были созданы в городах, районах, колхозах и совхозах, МТС, организациях и объединениях, где преподавали грамотные люди. В 1936 году в Сталинабаде было проведено совещательное собрание работников народного образования. На нем, в основном, говорилось о ликвидации безграмотности и малограмотности, подводились итоги достижений и недостатков. В работе совещательного собрания выступил С.Айни. Он высказал замечания по методам работы, улучшению обучения и достижению лучших результатов.

Организованные в труднодоступных регионах Таджикистана курсы по ликвидации неграмотности дали хороший результат. Большинство населения Таджикистана уже до войны обучилась грамоте.

Исследования показывают, что в начале 30-х годов была очень велика роль МТС. Парткомы при МТС организовывали газеты, библиотеки, красные чайханы, издавали книги, которые сыграли заметную роль в становлении советского государства. При редакциях МТС всегда действовали семинары, политические клубы и проводилась политико-осветительная работа, на которых обсуждались и решались злободневные проблемы общества. Массы трудящихся проходили политическую закалку, расширяли кругозор и знакомились с партийной жизнью и решениями правительства.

Таджикская печать создала фундамент для смены алфавита и приняла непосредственное участие в его внедрении. Для нового алфавита в этих целях организовывались не только страницы в прессе, но и создавались новые специальные газеты.

Переход на латинскую графику начался в середине 20-х годов. Первым ввел латинскую графику, наряду с арабской в 1922-23 году, Азербайджан. После этого на латинский алфавит перешли республики Средней Азии и Казахстан. В это же время все тюркоязычные народы перешли на латинский

алфавит. Позже других, в 1927 году, начал осуществляться переход с арабской графики на латинскую в Таджикистане.

Название стран, перешедших на латинскую графику, отсутствие каких-либо официальных документов ЦК и Правительства СССР о смене алфавита и то, что Таджикистан начал последним переход на латинскую графику, подтверждает, что смена алфавита была инициирована тюркоязычными республиками, и Таджикистан, как часть Узбекистана, был вынужден последовать за ним.

По решению правительства Тадж. ССР перед Центральным комитетом по новому таджикскому алфавиту была поставлена задача о подготовке проекта нового алфавита на основе латинской графики. Первый проект подготовили А.А. Семенов и А. Фитрат. 16 ноября 1927 года в Самарканде прошло специальное собрание с участием представителей Бухары, Самарканда, Ходжента, Душанбе, Уратюбе и при присутствии всех учителей таджикских школ Самарканда. На нем был обсужден проект А. Фитрата. В ходе обсуждения были определены недостатки и слабые стороны проекта. В прениях принял участие С.Айни, который выразил свое отношение к проекту, отметив важность латинизации таджикского алфавита. С.Айни в статье «Масъалаҳои таърихи» («Исторические задачи; вокруг нового таджикского алфавита»), напечатанной в журнале «Рохбари дониш», пишет: «Это далеко не простая, а историческая задача, подобная которой может возникнуть в жизни нации один или два раза. Для плодотворного решения этой задачи необходимо выслушать мнения представителей из среды таджиков, однако они неграмотны, и это, может быть, не плохо, а наоборот, лучше, ибо они скажут то, что слышали от матери, и не будут испытывать колебаний. Мы желаем, чтобы специалисты, обсуждающие эту проблему, исходили из специфических особенностей живого таджикского разговорного языка, так как этого нельзя создать легкий, упрощенный алфавит» [63,6].

Таким образом, вокруг проекта Фитрата разгорелась большая полемика, нашедшая отражение на страницах таджикской печати. Мнения были разные, но проект содержал лишь одно видение проблемы, которое не было поддержано большинством. Даже А.Лахути сильно раскритиковал его. Кроме того, на страницах журнала «Рохбари дониш» проект Фитрата был разгромлен самим А.А. Семеновым. Вся полемика в основном разворачивалась на страницах журнала «Рохбари дониш».

Центральный комитет нового таджикского алфавита в течение двух лет (1927-28 гг.) завершил подготовительные работы. Новый проработанный вариант проекта был обсужден в педагогической и научной среде. Вокруг него разгорелись ожесточенные споры. По этому поводу в Бухаре, Самарканде и Ташкенте были проведены собрания.

Первая конференция нового таджикского алфавита проходила в Ташкенте с 28 октября по 1 ноября 1928 года. Конференция проводилась в здании Таджикского института просвещения. 75% участников были представителями учителей и работники просвещения.

Конференция рассмотрела три вопроса:

- а) буквенный состав нового алфавита;
- б) способ письма нового алфавита;
- в) пути осуществления пятилетнего плана введения нового алфавита в школах и госучреждениях.

Конференцию открыл Комиссар Народного образования Таджикской АССР Н. Мухаммадов, который охарактеризовал обсуждаемую задачу как историческую эпоху в политике партии.

Проект Фитрата, принятый с дополнениями и изменениями 1927 году, в Самарканде был признан недействительным - потерявшим силу. Конференции было представлено три проекта: Фитрата, А.А. Семенова и Фреймана. За основу был принят вариант Фреймана, куда внесли некоторые предложения А.А.Семенова.

Таким образом, новый латинский алфавит, состоящий из 32 букв - 24 согласных и 8 гласных - вошел в законную силу. Учитывая важность принятого решения, была организована специальная газета «Саводи мехнат», на страницах которой осуществлялось изучение правил и техники правописания на новом алфавите.

В 30-е годы прошлого века проведение творческих вечеров и юбилеев писателей приобрело историческое значение. Были проведены юбилеи 1000-летия «Шахнаме» великого поэта-классика А. Фирдоуси, 30-летие творческой деятельности основателя современной таджикской поэзии А. Лахути, 30-летие творческой деятельности С.Айни, творческие вечера Пайрава и Мунзима.

Следует отметить, что все литературные события того времени, прежде всего, имели политическую подоплеку. Компартия и советское правительство посредством подобных мероприятий пропагандировали творения великих личностей и идеологию нового общества. Заметим, что в 30-е годы юбилеи Лахути, Айни, 1000-летие «Шахнаме» Фирдоуси, творческие вечера Пайрава и Мунзима стали показательным фактом культурной жизни эпохи, демонстрацией литературно-художественного творчества, свидетельствовали созвучия литературы социальным запросам. В них утверждалось, что, с одной стороны, они умелое и практическое продолжение классических литературных традиций, а с другой - что можно творить по-новому.

Естественно, что в литературе 30-х годов есть примитивные и заказные произведения, которые не следует воспринимать как отражение давления правящих кругов. Наоборот, это были глубоко обдуманые попытки литераторов служить народу и эпохе, новому обществу.

В процессе претворения задач культурной революции большое внимание в печати уделялось сотрудничеству с литераторами и их поездкам.

Начиная с начала 30-х годов в Таджикистан приезжали группы писателей-интернационалистов из Америки и Западной Европы. Итогом этих поездок стали книги, очерки, статьи, воспоминания, репортажи и путевые заметки, рассказывающие о жизни народов советской Средней Азии, в том числе Таджикистана. Произведение Поля Войана Кутюрье «Средняя Азия пробуждается», Э.Э. Киша «Изменившаяся Азия», Бруно Ясенского «Человек меняет кожу», рассказывающие о ходе строительства социализма в Средней Азии, в частности в Таджикистане - лучшие образцы такого рода произведений.

В 1934-35 гг. Таджикистан посетил чешский писатель Юлиус Фучик. Организатором поездок в республику является польский писатель Б. Ясенский. Он жил и работал на правах беженца в Париже, был председателем Международного объединения революционных писателей. В Париже также проживал один из видных деятелей польского рабочего движения Томас Домбаль, который выступил в 1928 году на областном Пленуме таджикского комитета о закрытии VI Конгресса Коминтерна. Там же он рассказал Б. Ясенскому о таджикском народе. В результате Бруно Ясенский обратился в СНК Таджикской ССР об организации рабочей поездки, и его предложение принимается.

В 1931 году группа писателей (Б. Ясенский, Э.Э. Киш, Э. Глезер, Л. Лозовик, П.В. Кутюрье и Кюниц) приехали в Таджикистан. Они осмотрели все уголки Таджикистана, посетили великие стройки, увидели горы и написали интересные произведения обо всем, что видели. Их творения были изданы на многих языках народов СССР и других стран.

Группа писателей встречалась с журналистами, учеными, писателями и поэтами, представителями правительства, участвовала в творческих вечерах таджикских поэтов и писателей. О поездке писателей информировали союзная и республиканская печать.

Очень памятными для таджикского народа являются, визиты Э.Э. Киша и Юлиуса Фучика. Они более всех написали о Таджикистане и его народе, издав свои работы в СССР и за рубежом. Запоминающимися были встречи Ю. Фучика с С.Айни, Б. Ясенского с А.Лахути и драматургом Г. Абдулло. Беседа Ю. Фучика со своими таджикскими коллегами Глуховским, Пирумкуловым и Дайлами стали олицетворением единомыслия и единодушия журналистов.

Бригада иностранных писателей увидела Таджикистан и таджикский народ такими, какими они были, и представили их всему миру. Печать уделяла особое внимание образованию художественных групп.

Организация и формирование Союза писателей Таджикистана тоже стали и политическим, и культурным событием 30-х годов.

До создания СП существовало множество объединений и организаций, которые много сделали для создания единого художественного творческого Союза, упорядочения литературной деятельности. Это «Общество поэтов» (1922), «Общество редакторов» (1925), «Красное перо» (1930), «Секция советских таджикских писателей» (1932), «Ассоциация пролетарских поэтов Таджикистана».

Задачи обновления литературно-художественных организаций всегда были в поле зрения партийной организации республики. В первой половине 1932 года в Таджикистане действовала ассоциация пролетарских писателей. В это время специальные бригады писателей командировались по регионам, городам и районам, одновременно создавались объединения на местах и проходили обсуждения творчества местных писателей. 24 ноября 1933 года ЦК КПТ заслушал и обсудил доклад А. Лахути о «Подготовке к всесоюзному и республиканскому съезду советских писателей». Накануне съезда в Сталинабад прибыла группа советских писателей под руководством Б. Ясенского. Целью визита была помощь местному объединению, а также подготовка к съезду писателей Таджикистана и всесоюзного съезда.

Съезд открылся 10 мая в доме Красноармейцев. На съезд прибыли 300 делегатов со всех уголков республики. Присутствовали также гости из союзных республик. На съезде с трехчасовым докладом на тему «Для практической работы под руководством партии» выступил А. Лахути. На следующий день от лица ЦК КП(б) Таджикистана выступил А. Рахимбоев. Большую полемику вызвал доклад председателя Оргбюро Союза писателей Таджикистана С. Носирова.

В дни работы съезда проводилось много мероприятий, имевших плодотворное влияние на литературную жизнь Таджикистана. Съезд также основал Совет и серию объединений, ответственных за дальнейшее развитие литературы.

Создание в Таджикистане издательства считалось важной и обязательной задачей. Учитывая это, правительство постаралось создать одну национальную типографию. В 1925 году было основано Государственное издательство Таджикистана в Самарканде, сплотившее вокруг себя таджикскую интеллигенцию. Многие представители старой таджикской интеллигенции, а затем и молодое поколение работали и творили именно здесь. Только за один год работы (1925-26 гг.) издательство выпустило в объеме 77 тысяч экземпляров 14 наименований книг, а в 1927 году почти 200 тысяч из 39 наименований.

В первые годы издательство переживало много трудностей. Проблемы, имевшие отношение к работе издательства, не решались своевременно. Оно находилось далеко от центра республики, что создавало трудности между партийной и советской организациями во взаимоотношениях с издательством. Учитывая это, перед издательством в Душанбе была поставлена задача, сплотить, вокруг себя писателей, поэтов, ученых и молодых сотрудников, как будущих специалистов. В последующие годы деятельность Госиздательства Таджикистана была сосредоточена на выпуске

в большом количестве книг и их распространении среди населения, увеличении книжного тиража.

В издательстве больше печаталась художественная литература, в частности был налажен выпуск детской литературы, которая издавалась большим тиражом. В 30-е годы издательство выпустило сотни наименований художественной и детской литературы, переведенные труды классиков марксизма-ленинизма, классиков таджикской литературы. Тысячи книг, распространяясь среди населения, нашли своего читателя.

Печать 30-х годов невозможно представить без участия рабоче-крестьянских корреспондентов. Для сотрудничества и участия в газетах при редакциях проводились семинары и встречи, на которых выявлялись способные, талантливые слушатели, имевшие интерес к журналистике.

Таджикская печать с первого дня своего существования опиралась на широкие массы. Рабоче-крестьянские корреспонденты большое внимание уделяли пропаганде достижений советского строя и серьезно увлекались журналистской деятельностью. Для обучения и политической закалки правительство осуществило ряд мероприятий. Например, в 1925 году СНК организовало девятимесячные курсы при педагогическом техникуме города Сталинабада. С 1925 года до 1930 количество рабоче-крестьянских корреспондентов возросло с 85 до 95 человек. Каждый месяц в газетах печатались от 560 до 590 материалов рабселькоров.

По всей республике усилилось движение рабоче-крестьянских корреспондентов, особенно в 30-е годы. При газетах «Бедории точик», «Кизил Тожикистон», «Советский Таджикистан», «Чавонони Тожикистон» была создана сеть рабочих и крестьянских корреспондентов. I съезд рабоче-крестьянских корреспондентов прошел в Сталинабаде в 1931 году, где приняли участие 285 делегатов. Съезд определил приоритетные стороны в работе рабоче-крестьянских корреспондентов.

Таким образом, форум поставил перед корреспондентами новые задачи и потребовал от них освещения разных сторон экономической и социальной жизни.

В итоге, начавшись в газете «Овози точик», движение рабоче-крестьянских корреспондентов превратилось в сильную армию пропагандистов и агитаторов. После создания школ, педтехникумов, пединститутов, медико-педагогического института и сельхозинститута стали проводиться литературные вечера и собрания. В частности, в пединституте Сталинабада и техникумах Ленинабада и Пенджикента существовали литературные собрания, на которых перед наставниками читали и анализировали свои сочинения молодые писатели. Собрания действовали под названиями «Молодая поросль литературного сада», «Молодые литераторы», «Литература и молодежь» и т.д. Кружки и собрания существовали и в школах конца 30-х годов.

В конце 20-х – начале 30-х годов современная таджикская советская литература была на подъеме, создавались различные прозаические и поэтические произведения. Поэзия была развита больше, чем проза. Образец первой таджикской реалистической прозы принадлежит перу С. Айни. Повести «Одина» и «Палачи Бухары» были первыми прозаическими произведениями таджикского реализма. В последствии одно за другим увидели свет такие произведения С. Айни, как «Ахмад - заклинатель дивов», «Лунолика», «Кулбобо» и роман «Дохунда». Роман «Дохунда» стал путеводителем для всех молодых таджикских писателей.

В 30-е годы на страницах периодической печати вышли произведения А. Лахути, П. Сулаймони, М. Рахими, М. Аминзаде, молодых литераторов М. Турсунзаде, М. Миршакара, Р. Джалила, Дж. Икромии, С. Улугзаде, А. Дехоти и других, благодаря которым, в свою очередь, появилось огромное количество мнений и отзывов.

Таджикские литераторы, в особенности С. Айни и А. Лахути, в своих произведениях смогли создать новый тип таджикских тружеников. Литературные герои 30-х годов обладали новым мышлением и активно боролись с пережитками старого мира.

В создание литературно-разговорного языка особенно велик вклад С. Айни. Накануне издания романа «Дохунда» в печати велись ожесточенные дискуссии вокруг литературного таджикского языка. Редакторы, литературоведы, языковеды, журналисты, поэты, писатели и ученые организовали диспуты о литературном таджикском языке, которые проходили очень остро и горячо. Спорили и дискутировали в основном на страницах «Овози точик», «Бедории точик», «Точикистони сурх», «БАС», «Рохбари дониш» и других газет и журналов. Этой теме уделяли особое внимание и партийные организации Таджикистана. II съезд Компартии Таджикистана обратил особое внимание на организацию работы по выработке литературного таджикского языка.

Следует напомнить, что жанры романа, повести и драматургии пришли в таджикскую литературу из западной через русскую литературу, обогатив и пополнив, таким образом, сокровищницу таджикской литературы. Итак периодическая печать 20-30-х годов консолидировала вокруг себя литераторов и донесла их творения до народа. Литература нашла путь к сердцам читателей именно через прессу. Во все времена печать играла ведущую роль в пропаганде и распространении художественного творчества в обществе, особенно газеты и журналы, предназначенные для этой цели. В 30-е годы появилась, сформировалась и начала развиваться именно такая пресса. Она стала «полем посева» и фактором продвижения их творчества. Такими изданиями стали журналы «БАС», «Калтак», «Мушфики» и др.

Таджикская журналистика сформировалась в эпоху культурной революции – в первое десятилетие истории суверенного самостоятельного

Таджикистана. В исследуемый период она не только отражала события, но и реализовывала великие творческие свершения, проекты, идеи.

Появление таких новых жанров, как фельетон, репортаж, очерк, и даже появление публицистических стихов создали условия для более действенного отображения интересных событий и реалий действительности.

Журналисты, писатели, литераторы работали вместе, бок о бок, для решения культурных задач. Печать стала главнейшим инструментом реализации культурных преобразований Таджикистана.

Библиография

1. Абдуғанӣ М. Дар бораи адабиёти тољикӣ // Тољикистони сурх, 1928, 3 апр.
2. Абдурахмонова И. Юлиус Фучик в Средней Азии. Ташкент: Гослитизд. Узб. ССР, 1952. 152 с.
3. Абдулло Г. Вахшстрой продолжается // У подножья солнца (1924-1964). Душанбе: 1964.
4. Абдухамид С. Раҳнамои миллати тољик // Талош. Душанбе: Адиб, 2002.
5. Азимов А. Публицистика ва замони муосир. Душанбе: Шарқи озод, 2004. 138 с .
6. Айнӣ С. Куллиёт: Иборат аз 15 ҷ. Душанбе: Ирфон, 1981. Т. 8. 528 с.
7. Айнӣ С. Ахгари инқилоб. Душанбе: Ирфон, 1974. 262 с.
8. Айнӣ С. Куллиёт: Иборат аз 15 ҷ. Душанбе: Нашрдавтољик, 1963. Т.5.275 с.
9. Айнӣ С. Намунаи адабиёти тољик. М.: 1926. 615с.
10. Айнӣ С. Судьба одного народа // Новое время. 1951, № 45.
11. Айнӣ С. Повесть про бедняка таджика Адина, Харьков: Рух, 1931. 281с.
12. «БАС» (1932-1938).

13. Байбулатов Љ. Ўзбек адабиёти ва «чиғатайчилик» // Қизил Ўзбекистон, 1929, 14-15 май.
14. Бочкарев А. Слово о друге // Звезда Востока. 1964. №2.
15. «Бедории толық» («Толықистони сурх»), 1928-1940).
16. Брагинский И. Проблемы творчества Садриддина Айни. Душанбе: 1974. 174с.
17. Брагинский И. С. О сущности творчество Айни // Љашномаи Айни. Љузыи V. Душанбе: Дониш, 1978. 184 с.
18. Вановская Т. Юлиус Фучик. Очерк жизни и творчества. Л.: Сов. писатель, 1960. 244 с.
19. Гордон Я. Открытие Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1981. 220 с.
20. Горький М. Собрание сочинений. В тридцати томах. Т. 27. – М.: ГИХЛ, 1963. 590 с.
21. Государственный архив Республики Таджикистан. Ф.3.оп.6.л. 129. лл. 44-45.
22. Глуховский А. Человек, перед которым отступила смерть. // Юлиус Фучик с нами. Ташкент: Изд. литература и искусства им. Г. Гуляма, 1971. 139 с.
23. Дехотӣ А. Ба устоди болшевик, омӯзгори адабиёти инкилобии пролетарӣ- адиби мӯхтарам Лоҳутӣ // БАС. 1933, №5-6.
24. «Дониш-биниш» (1927).
25. Душевич А. Лиризм, экспромт, гротеск. Л.: Художественная литература, 1975. 210 с.
26. Из истории культурного строительства в Таджикистане. Сб. документов. Т. 1. Душанбе: Ирфон, 1966. 670с.
27. История культурного строительства в Таджикистане. Душанбе: Дониш, 1983. Т.2. (1917-1977). 472с
28. «Иштирокиюн» (1919).
29. Каниметов А. Юлиус Фучик в Советском Киргизистане. Фрунзе, Киргизгосиздат, 1956. 125 с.
30. Каширина Т. Народное образование в Таджикистане в 1924-1932гг. Душанбе: Дониш, 1986, 155с.
31. Киш Э.Э. Изменившаяся Азия. М., Л.: ГИХЛ, 1934. 245 с.
32. Когон В. Вечерный Душанбе. 1975. 10 октября.
33. КПСС дар резолутсияњо ва ќарорњои съездњо, конференсияњо ва пленумњои КМ. Љ. 5. Сталинобод: Нашрдавтољ, 1961. 167 с.
34. Лапина Е. Литературная газета. 1958. 6 сентября.
35. Лоҳутӣ. Куллийет. Иборат аз 6 ъ. Душанбе: Нашрдавтољик, 1960. Т. 1. 254 с.
36. Ломидзе Г. И. Проблема взаимодействия литератур народов СССР. // Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур. М.: Из-во АН СССР, 1961. 342 с

37. «Литература народов Средней Азии» (1934).
38. «Литературная газета» (1931).
39. Маниёзов А. Публицистика ва назми устод С. Айнӣ (1918-1921). Сталинобод: Нашрдавтољик, 1958. 151с.
40. Маниёзов А. Предисловие к книге Гордон Я. Открытие Таджикистана. Душанбе, 1984.
41. Маъсумӣ Н. Туѓрал ва муҳити адабии он.(Сарсухан) // Мунтахаби ашъор. Душанбе: Нашрдавтољик, 1972.
42. Мирзозода Х.. Основные вопросы идейно - эстетического развития таджикской советской поэзии двадцатых годов. // Автореф... дис. д. филол. наук. Душанбе, 1968.
43. Мирзозода Х. Афкори рангин. Душанбе: Ирфон, 1982. 352 с.
44. Мирзозода Х., Сайфуллоев А., Абдурахмонов А. Таърихи адабиёти советии тољик: Назму насри солҳои 20-ум ь. 1. Душанбе: Дониш, 1984. 356 с.
45. Мирзозода Х.. Муносибати партия ба адабиёт ва тарбияи кадрҳои адабӣ. // Садои Шарқ. 1965, № 2.
46. Мирзозода Х., Самад Валӣ. Сабаб аст бар ӯаридаи олам // Садои шарқ. 1983, № 12.
47. Мукотибаи Садриддин Айнӣ ва Абулқосим Лоҳутӣ. Душанбе, 2003. 211 с.
48. «Мулло Мушфиқӣ» (1929).
49. «Муштум» (1926).
50. Мунзим А. Нашавад, шуд. // Тоҷикистони сурх. 1928, № 25.
51. Миршакар М. Аз сохтумони Вахш то Роғун. // Вечерный Душанбе. 1979, 7 ноябрь.
52. Набиев А. Бектош ноқиди ашъори Пайрав Сулаймонӣ: Назарро ба «ишканҷадори танқид» дигар мебоҷад кард. // Садои Шарқ. 2003, № 3-4.
53. Набиев А. Таърихи ташаккули иттифоқи нависандагони Тоҷикистон. Душанбе: Адиб, 2004. 78 с.
54. «Овози тољик» (1924- 1931).
55. Отахонова Х. Абулқосим Лоҳутӣ ва Садриддин Айнӣ // Љашнномаи Айнӣ. Љузъи III. Душанбе, 1966.
56. Пайрав Сулаймонӣ. Девон. Душанбе: Ирфон, 1971. 302 с.
57. «Правда» (1930 – 1951).
58. «Правда Востока» (1930-1933).
59. Поль Вайян Кутюрё. В сторону Темирлана. Журнально-газетное объединения. М.: 1933.

60. Радволина И. Рассказ о Юлиусе Фучике. М.: Сов. Писатель, 1967. 320 с.
61. Раҳимбоев А. Барои муваффақиятнок ҳал кардани вазифаҳои таърихӣ панъсолаи дуввум бо ҳамроҳии партия ба пеш // БАС. 1934, № 5-6
62. Раъбабӣ М. Таърихи танқид ва адабиётшиносӣ. Душанбе: Адиб, 1997. 207 с.
63. «Роҳбари дониш» (1927-1932).
64. Саъдуллоев А. Публицистикаи Турсунзода. Душанбе: Адиб, 1988. 108 с.
65. «Садои Шарқ» (1983-1987).
66. Сидқӣ С. Ганъи ҳикмат. Душанбе: Адиб, 1997. 138 с.
67. «Советский Таджикистан» («Коммунист Таджикистана», 1925-940).
68. «Советская литература народов Средней Азии» (1934).
69. Таърихи адабиёти советии тоҷик. Инкишофи жанрҳо: Иборат аз 6 ҷ. Душанбе: Дониш, 1978. Т. 2. // Демедчик А. Н. Насри солҳои 30. 309 с.
70. Табаров С. Барге аз маъаллаи Мунзим // Садои Шарқ. 1989, №3.
71. Табаров С. Симои ӯвидонаи пешво дар адабиёти советии тоҷик. Душанбе: Ирфон, 1970. 293 с.
72. Турсунзаде М. Братство // Правда. 1968, 29 августа
73. Усмонов И. Таронаи Юлиус // Тоҷикистон советӣ. 1985, 8 сентябр.
74. Фучикова Г. Воспоминания о Фучике. М.: Прогресс, 1971. 250 с.
75. Фучик с нами. Ташкент: Изд. литература и искусства им. Г. Гуляма, 1971. 142 с.
76. Фучик Ю. Избранное. // Пер. с чешск. М.: Молодая гвардия. 1973, 479 с.
77. Фучик Ю. О Средней Азии // Пер. с чешск. и предисл. О. Малевича. Ташкент: Гослитиздат. Худ. лит-ра Узб. ССР, 1960. 258 с.
78. Фурманов Д. Соч. в трёх томах. Т. 3. М.: ГИХЛ, 1952. 280 с.
79. Ҳақим Карим., Љ. Иқромӣ. Ойим- Бибӣ // Бо роҳи ленинӣ. 1940, №2
80. Хусейнзода Ш. Мубориза дар ҷабҳаи адабиёти тоҷик. // Роҳбари дониш. 1930, № 4-5, № 6.
81. Ҳошим Р. Сухан аз устодон ва дӯстон. Душанбе: Ирфон, 1983. 270 с.
82. «Қизил Ўзбекистон» (1927).
83. Шадунс. Таджикистан растёт. // Советская литература народов Средней Азии. 1933, № 3
84. «Шарқи сурх» (1939-1956).
85. Шукуров М.Р. Революцияи маданӣ дар Тоҷикистон. Сталинобод; Нашрдавтоҷик, 1957. 339 с.
86. «Шӯълаи инқилоб» (1919-1921).

